

ПЕРВАЯ НЕДУ

МАША МАКСИМОВИЧ

12+

Майя Максимова
Первая леди
Серия «Две тысячи
пятьдесят третий», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42832967

SelfPub; 2021

Аннотация

Что может женщина в масштабах истории целой цивилизации? Как быть, если приходится решать за всё человечество? И так ли очевиден враг, когда на кону чуть больше, чем мировое господство?

Содержание

1	4
2	11
3	16
4	21
5	25
6	33
7	37
8	44
9	51
10	60
11	70
12	80
13	86
14	95
15	105
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Майя Максимова

Первая леди

1

Тем утром меня разбудил наш домашний попугай Луи, пробравшийся в спальню через приоткрытую дверь балкона.

– Юля, вставай! – прокричал он четыре раза, тщетно пытаясь наполнить свое приветствие благозвучностью.

– Отстань, – я натянула одеяло на голову и сделала вид, что не замечаю его присутствия.

Вообще-то Луи беспокоит меня исключительно по праздникам, поскольку обычно за мной заезжают в шесть утра – и так круглый год без выходных и отпуска. «Сама напросилась», – обычно утешает брат, когда я зачем-то начинаю жаловаться на работу. Он прав. Мой нынешний социальный статус – всего лишь итог бесконечного потакания амбициям. Ещё дошкольницей, ничего не смыслившей в жизни девочкой, я каждый день пыталась руководить сверстниками. Сколько жалоб выслушал мой отец от воспитателей и возмущенных родителей одноклассников! Директор детского сада несколько раз предлагала перевести меня в другое учреждение, а какая-то особо неуравновешенная мамаша однажды даже подала заявление в полицию. И на кого? На пятилетне-

го ребёнка, за всю свою жизнь не обидевшего муху. Разумеется, в УВД посмеялись над ситуацией, но все-таки провели разъяснительную беседу с папой, итогом которой стала отмененная экскурсия в планетарий. Пожалуй, это была главная трагедия моей прошлой жизни, даже сейчас отдающаяся болью в сердце. Впрочем, она не возымела ни малейшего воспитательного эффекта, благо что вскоре начались летние каникулы. Потом мы переехали на другой конец Москвы, и год перед школой я провела под чутким наблюдением бабушки, примерно тогда же завершившей свою почти пятидесятилетнюю банковскую карьеру. Тесное общение с Элеонорой Михайловной (как уважительно называл тещу папа) сильно сказалось на моих ещё не до конца сформировавшихся предпочтениях. Желание управлять людьми на долгие годы отошло на второй план, а главной страстью стали финансовые активы и все доступные способы их приумножения. Поэтому когда я пошла в школу, меня не слишком заинтересовали отношения со сверстниками. Функцию руководства ими я охотно делегировала нашей классной, а сама принялась претворять в жизнь свой первый бизнес-план, совместно с бабушкой организовав стартап по обучению пенсионеров работе на криптовалютных рынках. Затея с треском провалилась где-то через полгода (за что отдельное спасибо некоторым слишком самоуверенным преподавателям), но я вынесла из неудачи один очень важный урок – во всём и всегда полагаться исключительно на собственные умения. Поэтому партнёрству

с Элеонорой Михайловной пришёл конец, и месяца три мне пришлось потратить на новую концепцию своего развития. Как оказалось, зарабатывать в семилетнем возрасте достаточно просто, если у тебя есть талант или выдающиеся физические способности. Проблема заключалась лишь в том, что актриса, певица и танцовщица умерли во мне ещё до рождения, а на соревнованиях я неизменно занимала предпоследние места, вследствие чего наш физрук исключил меня из состава школьной сборной. Мама настойчиво предлагала записаться в какую-нибудь секцию, но я пошла другим путём и засела за книги, твёрдо решив, что отныне моё призвание – наука. Этот ход оправдал себя через год, когда нас отправили на городскую межпредметную Олимпиаду для второклассников, где для меня не нашлось ни одного достойного соперника. И пусть призовые вызвали у бабушки приступ смеха, я поняла – наконец-то, дело сдвинулось с мёртвой точки. Вкус заработанных собственными стараниями денег пробудил во мне аппетит, и за последующие несколько лет девочка Юля выиграла семь городских, пять всероссийских и три международных олимпиады. Мой личный счёт пополнился почти на шесть миллионов рублей, а Элеонора Михайловна, пожалуй, впервые в жизни сняла с себя маску высокомерной снисходительности. Тут бы развить успех и дотянуться до установленных бабушкой ориентиров, но появился брат, и неожиданно в тринадцатилетнем возрасте во мне проснулось подобие материнских чувств, на удивление восторжен-

но воспринятых тогда родителями. Пожалуй, ни у кого из моих знакомых не было столь заботливой старшей сестры, пожертвовавшей целым годом подростковой жизни ради сомнительного удовольствия ухода за младенцем. Но как же счастлива была моя мама! Мне разом простились все детские прегрешения, отчужденность от семейных мероприятий и конфликт с нашей соседкой Ольгой Павловной, которую я несколько раз пристыдила за то, что она не убирает за своей собакой. И только бабушка со скепсисом наблюдала за этим чудесным перевоплощением, словно знала – ему отведён не очень продолжительный срок, после которого должна начаться куда более значимая глава моей биографии. Разумеется, она оказалась права. В четырнадцать лет я влюбилась в Руслана из параллельного класса и столкнулась с необходимостью интеграции в общественную жизнь школы, чтобы хоть как-то приблизиться к объекту своего обожания. В результате у меня появилась подруга Инга, вместе с которой мы записались в секцию дзюдо, где уже несколько лет занималось большинство мальчишек-ровесников. Кроме нас там было всего две девчонки, но хитрый план не привёл к желаемому результату – Руслан, как нарочно, не замечал моего присутствия. Зато спустя месяц на меня обратили внимание другие ребята, и началась эпопея с бесконечными проявлениями знаков внимания, соперничеством и даже парой серьёзных драк, после которых тренер чуть не выгнал меня из группы. К тому моменту моя влюблённость перешла

в стадию рациональной симпатии: я прекратила витать в облаках, всё реже и реже бросала на Руслана косые взгляды и как-то неожиданно для самой себя поняла, что дзюдо в этой истории приоритетнее чувства. Тем более, у меня появились первые успехи, ставшие стимулом для продолжения занятий даже тогда, когда из-за травмы Инга на месяц выпала из спортивной жизни. Это обстоятельство ещё больше сблизило нас в повседневности. Мы стали ходить в театр, в кино и даже съездили на выходные в Питер, где у моей новоиспечённой подруги проживал дедушка – полковник в отставке, участвовавший ещё в афганских событиях. Конечно, как девочек нас мало интересовали рассказы об ужасах той войны, но лично меня глубоко тронула политическая составляющая истории, которую мы только собирались изучать в школе. Сергей Валерьевич (а именно так звали моего нового знакомого) сделал всё возможное, чтобы посеять в неокрепшем подростковом разуме зерно сомнения относительно любых идей, корни которых уходили в американскую землю. Если бы он знал, к насколько масштабным последствиям для человечества приведут его монологи о НАТО как о чудовище, стальными щупальцами обвившем Землю. Но, увы, дедушка Инги умер в день её двадцатитрёхлетия, а я выросла с твёрдой убеждённости в том, что моё главное предназначение в жизни – противостояние злу, рождённому по ту сторону океана. С этими мыслями я поступила во Всероссийскую академию внешней торговли, с отличием окон-

чила бакалавриат и магистратуру по программе «Международный менеджмент», после чего с головой окунулась в политику. Встречи, собрания, бесконечные командировки по разным странам – мир превратился в калейдоскоп событий, ускорившихся по мере того, как приближался финал моего стремительного восхождения на пирамиду власти. Жаль, бабушка не дожидая до триумфа внучки. Уж кто-кто, а она оценила бы пройденный мной путь и, наверно, дала бы несколько полезных советов. Но Элеонора Михайловна вот уже пятый год покоилась на кладбище, а мне приходилось довольствоваться периодическими причитаниями мамы, сухими и оттого вызывавшими неприязнь замечаниями отца, да бесконечными подколками выросшего уже без моего участия брата. Возможно, для кого-то одно это показалось бы чрезмерной ценой за то, что в итоге я получила к своему тридцать девятому дню рождения. А если прибавить сюда не самую идеальную личную жизнь, проблемы с друзьями и вечную нехватку времени... Держу пари, только псих рискнул бы пройти по проложенному мной маршруту! Но я никогда не жалела о сделанном в прошлом выборе и вот уже третий год как могла оправдывала своё призвание. Без сантиментов, без истерик и слёз, с холодным расчётом и приверженностью ориентирую юности. Да, многие не переставали сомневаться во мне и при каждом удобном случае отпускали в мой адрес едкие и частично справедливые замечания. Впрочем, это казалось лишь мишурой, неотъемлемым атрибутом свер-

кающей новогодней ёлки. И девочка Юля, мечтавшая руководить людьми, упрямо шла дальше, повзрослевшая, но не утратившая детской веры. Теперь всё просто не могло быть иначе, ведь на её хрупких на вид плечах лежала судьба поистине великой страны, а каждое утро начиналось с осознания того, что она президент России.

2

Луи никогда не отличался чрезмерной настойчивостью, поэтому, убедившись, что никто не реагирует на его призывы, исчез тем же путём, дав мне ещё несколько минут покоя. Я очень хотела растянуть их часа на два – так велико было желание беззаботно поваляться в постели. Но ровно в девять двери моей спальни распахнулись настежь, и на пороге появилась Кира – единственный человек на Земле, кто мог вот так потревожить президента. Подобно облаку она проплыла через всю комнату и, грациозно присев на край кровати, весьма настойчиво потянула на себя одеяло.

– Мама, вставай! – в отличие от Луи дочь не была настроена даже на однократное повторение своего требования. – Ты говорила, что мы прямо с утра поедem на пляж и в кои-то веки расслабимся как подружки. А сама спишь, да ещё дала указание Жанне, чтобы тебя не тревожили раньше одиннадцати! Вот так ты выполняешь свои президентские обещания?

Я застонала. Но не от того, что Кира нарушила мой покой – мне и самой хотелось провести с ней время. Просто внезапно накатило понимание того, что дочери уже девятнадцать с половиной лет, а значит вот-вот наши дороги разойдутся в стороны. И пусть мы и раньше существовали каждая в своей вселенной, три раза в месяц они всё-таки сталкивались друг

с другом. А что будет в будущем, когда молодой специалист по биомеханике решит постажироваться в какой-нибудь новозеландской компании? Одна мысль об этом моментально превращала меня в женщину.

– Обещания в силе, – я резко села на кровати и поцеловала дочь в нос. – Ты же знаешь – мои слова никогда не расходятся с делом.

– Это-то и тревожит, – неожиданно отреагировала она. – Когда-нибудь сбой даёт даже самая безотказная система.

– Но не сегодня, – зачем-то сказала я и, замерев, невольно залюбовалась ею.

Да, матери редко бывают объективными по отношению к своим детям, однако, уверена, любой разглядел бы в Кире красавицу. Высокая, стройная, с длинными тёмными волосами она всегда выделялась на фоне сверстниц. А в широко раскрытых серых глазах читался настолько неуёмный интерес к окружающему миру, что порой мне хотелось запереть дочь дома во избежание неприятностей, к которым могло привести её чрезмерное любопытство. К счастью, всё обошлось без радикальных мер, и мы почти безболезненно преодолели подростковый кризис, порой до основания разрушающий мосты между поколениями.

– Мама, ты не всесильна, – снисходительно улыбнулась Кира, – и уж тем более не можешь предугадать будущее.

– Что-то случилось? – только тогда мне передалась её тревога, и ощущение праздника рассеялось вместе с порывом

ворвавшегося в комнату ветра.

– Пока нет, – честно призналась она, – но у меня нехорошее предчувствие.

– Предчувствие? – растерянно переспросила я, двумя руками отбрасывая одеяло в сторону. – Господи, Кира, ты же человек науки!

– Вот именно. И моё рациональное это готово поклясться, что происходит нечто странное. Я словно кошка накануне землетрясения. Только не знаю истинной причины своего беспокойства. Разве что сон... Но в нём всё равно нет смысла.

Желая хоть как-то разрядить ситуацию, я несколько неуклюже выбралась из кровати, надела халат и посмотрела на себя в зеркало. Конечно, женщину в отражении трудно было назвать эталоном привлекательности, но для почти сорока двух лет она выглядела более чем достойно. Подтянутая фигура, гладкая как у выпускницы школы кожа, роскошные локоны, спадающие на точёные плечи... При всём желании я не находила в себе изъяна. И лишь глаза выдавали во мне человека, давно распрощавшегося со своей молодостью.

– Расскажешь, что снилось? – поинтересовалась я, наивно надеясь перевести всё в шутку.

– Давай за завтраком, – Кира подошла к двери и, обернувшись, протянула мне руку. – Мама, прости, но иначе нам не хватит времени.

Я подчинилась правилам этой нелепой игры, и мы быст-

рым шагом добрались до кухни. Вообще-то обычно местом трапезы у нас являлась гостиная, однако тем утром семья была не в полном сборе. Муж пятый день находился в командировке в Лондоне, а у родителей шла третья неделя каникул в Сочи. Олег (так звали моего брата) и вовсе навевался к нам не чаще, чем раз в месяц, предпочитая дистанцироваться от окружавшего меня ореола славы. Возможно, он просто завидовал успеху старшей сестры, тем более что мама периодически акцентировала на этом внимание. Впрочем, сейчас нюансы не имели значения, а кухня всецело оказалась в нашем распоряжении. Я машинально разлила по чашкам чай, уселась в кресло и уставилась на лужайку перед домом.

– Ну, рассказывай, – моё терпение подошло к концу. – С каких это пор тебя мучают ночные кошмары?

– Да ни с каких, – Кира, покачиваясь, приблизилась к окну, и яркое солнце заставило её зажмуриться. – Мне просто приснилось, что началась война, и США разбомбили Изумрудный город.

– Но это абсурд. Зачем им уничтожить то, что в некотором роде можно считать их собственным культурным наследием?

– Не знаю. Возможно, во сне нет никакого смысла, вот только чувствую, что сегодня случится катастрофа.

– К-а-т-а-с-т-р-о-ф-а, – я переварила услышанное по буквам. – Но где и когда? И, главное, какого масштаба?

– Время покажет, – Кира пристально посмотрела мне в глаза, и в её взгляде промелькнула вечность.

Я даже не стала продолжать наш абстрактный разговор – настолько сильным оказалось пережитое мной потрясение. Та, кто была мне самым близким человеком во вселенной, вдруг в одночасье отдалилась на миллионы километров. Ещё вчера мы жили как самая обыкновенная семья, пусть и с поправкой на мой президентский статус. И вот моей дочери снится какой-то безумный сон, после которого у неё появляется не менее идиотское предчувствие. А я, привыкшая решать проблемы планетарного масштаба, не в состоянии развеять это нелепое мистическое наваждение. И ладно бы на дворе стояли средние века, когда сверхъестественное превалировало над наукой. Нет, за окном бушевала эпоха бесконечных технологических революций, каждая из которых выворачивала мир наизнанку. Человечество с лёгкостью проникало в самые сокровенные тайны макро- и микрокосмоса, боролось с болезнями и исследовало Солнечную систему. Мы были наиболее рациональной цивилизацией в истории Земли, готовой вот-вот приступить к покорению галактики. И именно в такой момент я сидела у себя на кухне, пила чай и тряслась из-за какого-то предчувствия.

Внезапно зазвучала тихая мелодия времён моего детства, и взгляд невольно устремился на висевшие на стене часы. Никаких откровений. Они показывали ровно десять. 10 часов утра 29-го июня 2053-го года.

3

Возможно, наша с Кирой игра в молчанку затянулась бы на неопределённое время, но музыка послужила невольным катализатором действий, первым из которых стало появление на кухне Жанны. Привыкшая видеть своего ассистента в деловом костюме или платье, я чуть не выронила чашку из рук, когда обнаружила её перед собой в весьма откровенном бикини ярко-жёлтого цвета. Мы изумлённо уставились друг на друга, словно вообще не планировали сегодня встречу.

– У нас же намечен пляжный отдых, – Жанне потребовалось секунд пятнадцать, чтобы вычислить истинную причину моего удивления. – Прости. Ты вроде не устанавливала дресс-код для дома.

– Всё в порядке, – я изобразила на лице улыбку, кивком головы приглашая её сесть напротив. – Про пляж я помню, только возникли обстоятельства...

– Что-то случилось? – на лице моего ассистента не дрогнул ни один мускул.

За три года нашей совместной работы я привыкла к её профессиональным уловкам. Но в домашних условиях эта холодная безэмоциональность доводила меня до бешенства, из-за чего пару раз у нас даже случались ссоры. Разумеется, потом я просила у неё прощения, а муж неизменно вставал на сторону Жанны, аргументируя свою позицию нежелани-

ем видеть во мне эгоистичного тирана. В ответ на меня накатывали приступы ревности – вполне обоснованные, если отталкиваться исключительно от внешности моего ассистента. Ей было всего тридцать шесть лет, и она только-только завершила спортивную карьеру, за время которой завоевала две золотые олимпийские медали по бегу. Впрочем, когда-то именно это убедило меня сделать Жанну своим помощником, так что теперь я пожинала плоды собственного решения.

– Пока ничего, – мой ответ камнем повис в воздухе. – Но у нас с Кирой нехорошее предчувствие.

И в этот момент произошло то, чего я ожидала меньше всего на свете. Всегда невозмутимая и казавшаяся неприступной скалой Жанна вздрогнула и заморгала, словно ей в глаз залетела какая-то мошка.

– Предчувствие? – она через силу повторила это слово. – А что ты подразумеваешь под предчувствием?

– Ожидание катастрофы, – я вспомнила разговор с дочерью и предпочла объясниться её терминами. – Что-то случится. И уверена, это произойдёт сегодня.

– Чёрт! Вот почему мне снилось, как бомбят Нью-Йорк! А я ещё думала, откуда такая реалистичность!

Мы с Кирой синхронно впились глазами в Жанну, но та уже полностью переключилась на воспоминания о прошедшей ночи.

– Это было как наяву. Кромешный ад за гранью вообра-

жения. Два раза мне удавалось вырваться из объятий сна, но он продолжался, едва я снова смыкала веки. И так до рассвета... А теперь вы говорите мне, что скоро случится непредвиденная катастрофа?

– У Киры были похожие сновидения, – я предпочла раскрыть все карты. – Но, в отличие от тебя, она наблюдала, как бомбят Изумрудный город.

В ту же секунду на смуглом от загара лице Жанны проступили бледные пятна. Она судорожно схватила свою чашку и одним махом осушила её наполовину. Повисла пауза, наполненная шелестом листвы за окном и криками Луи, повздорившего с соседской кошкой. За эти минуты, подаренные нам вечностью, я впервые почувствовала себя пустышкой. Обычной женщиной, не имевшей ни малейшего представления о том, какие опасности скрываются за горизонтом повседневности. А потом включился канал экстренной связи, и перед нами возникла голограмма министра обороны – событие настолько невероятное по своей сути, что ни я, ни Жанна поначалу никак не отреагировали на случившееся.

– Доброе утро, Юлия Александровна, – генерал смерил меня любопытным взглядом, и я невольно съёжилась внутри халата. – Прошу прощения, что нарушаю ваш покой, но у нас нештатная ситуация. Гравилёт заберёт вас в течение десяти минут. Все подробности – по прибытии в управление.

Конечно, я знала инструкции на случай любого экстренного вызова из министерства, но всё равно не смогла полно-

стью соблюсти протокол и задала вопрос, чувствуя, как у меня трясутся руки:

– Сложившейся ситуации присвоен какой-нибудь код опасности?

– Да, – генерал косо посмотрел на Жанну. – Код номер восемнадцать. Госпожа президент, мы ждём вашего прибытия.

Голограмма исчезла, оставив нас наедине с полупустыми чашками и лёгкой растерянностью от словоохотливости министра. Жанна хотела прокомментировать услышанное, однако я не дала ей ни секунды.

– Иди одевайся. Встречаемся на крыльце через пять минут. И будь готова задержаться в управлении на ночь.

За что я всегда ценила своего ассистента, так это за скорость, с которой она реагировала на мои приказы. В следующее мгновение мы с Кирой были уже одни, и лишь небрежно брошенный в центре кухни стул напоминал о нашем внезапно закончившемся девичнике.

– Мама, – дочь явно не собиралась отпускать меня без объяснений, – что это значит? Кто-то разбомбил Нью-Йорк?

– Нет. Вернее, не знаю. Код номер восемнадцать никак не связан с Соединёнными Штатами. И вообще... Марш собираться, ты летишь со мной.

Мои слова прозвучали как приговор, и, уже стоя в дверях, обречённая Кира выдавила из себя неизбежное:

– И что в ваших играх скрывается под числом восемнадцать?

Я вздохнула. Реальность казалась абсурдом, но после всего, случившегося тем утром, у меня не было прав утаивать истинное положение вещей от дочери. Поэтому я придала своему лицу выражение максимально приближенное к невозмутимому и, залпом допив оставшийся в чашке чай, сообщила:

– Будешь смеяться – это угроза инопланетного вторжения.

4

Спустя пять минут я стояла на лужайке перед домом и, задрав голову вверх, с тревогой смотрела в безоблачное июньское небо. Мои мысли слились в единое целое, из которого при всём желании невозможно было выцепить ничего, кроме хаоса, поглотившего даже остатки страха. Во вселенной существуют другие формы разумной жизни! Ещё вчера я посчитала бы это неудачной шуткой – настолько твёрдым было моё убеждение в том, что человечество уникально в масштабах мироздания и никогда не столкнётся с инопланетной цивилизацией. И вот поворот, изменивший разом всё, на чём накануне держалось само понимание реальности.

Жанна опоздала на сорок семь секунд – чудовищный срок, если рассматривать его применительно к ситуации. Однако я не стала акцентировать на этом внимание и просто спросила, едва она очутилась рядом:

– Скажи, а в твоём сне про Нью-Йорк случайно не фигурировали пришельцы?

– Нет, – похоже, её занимали те же мысли. – Но знаешь... У меня словно с плеч гора. Как будто всё это – звенья одной цепочки.

– Ещё бы понять природу предчувствия Киры, – почему-то я не переставала думать о дочери. И дело тут было не в моём материнском беспокойстве, а в том, в какой форме

прозвучало её недавнее предостережение.

– У вас будет десять минут для разговора, – Жанна кивнула на появившийся в поле зрения гравилёт. – Ведь ты, полагаю, не оставишь её дома?

Я восхитилась прозорливостью моего ассистента и хладнокровием, с которым она успела проанализировать ситуацию. Именно это требовалось тогда и мне, человеку, ответственному за миллионы судеб. Но президент дрожала словно лист на ветру и молча взирала на опускавшееся перед нами блюдце.

– Мама, я здесь! – голос Киры прозвучал у меня за спиной как ответ тишине, сопровождавшей посадку гравилёта. Ещё через несколько секунд тарелка повисла в полуметре от земли, а из открывшегося в боковине люка бесшумно выдвинулось серебристое подобие трапа.

– Все на борт! – чужим голосом приказала я, вдруг осознав, что, возможно, навсегда покидаю свою резиденцию. Но не было времени включать режим ностальгии, прощаться с домом и задумываться о судьбе близких. Единственное, что успело отложиться в памяти – бедняга Луи, присевший на куст смородины. А потом гравилёт стремительно поднялся в небо, и моё прошлое растворилось далеко внизу – там, где ещё царила безмятежность, вот-вот готовая раскрошиться под шагами грядущего.

Экипаж встретил меня без лишних почестей, что лишь подчёркивало всю серьёзность сложившейся ситуации. Я

точно не знала, как много известно нашим сопровождающим, а потому попросила отдельную каюту. Десять минут, имевшиеся в моём распоряжении, никоим образом нельзя было проводить в молчании.

– Кира, что скажешь? – едва мы остались одни, я поспешила обрушить на дочь вопросы.

– А что тут сказать? – усмехнулась она в ответ. – Это конец. Конец Изумрудного города.

Мы с Жанной непонимающе уставились друг на друга, словно две школьницы, попавшие на доклад профессора.

– Хватит загадок! – наконец, не удержалась я. – Что, чёрт возьми, означают твои видения?!

– Если б я знала, – на глазах Киры появились слёзы. – Мама, пойми, это же просто сон. Кто мог представить, что у него будут такие последствия?

– Но ты говорила о предчувствии катастрофы, – с огромным трудом мне удалось усмирить свои эмоции. – И я, между прочим, поверила тебе до того, как стало известно о фактической угрозе из космоса.

– Да, ты права. Только у меня нет ответов. Я всего лишь обычная студентка-третьекурсница. А моя сущность наполнена первобытным страхом.

– Юлия, довольно, – вмешалась в беседу Жанна. – Ты же видишь, она рассказала всё, что знает. Нужны объяснения? Мы получим их от министра.

– Вот только вряд ли ему снился Изумрудный город, –

я посмотрела на проплывавшие внизу окраины и мысленно поблагодарила судьбу за то, что Москва пока не фигурировала ни в чьих кошмарах.

Кира демонстративно повернулась ко мне спиной, каждым движением протестуя против моего поведения. И я, загнанная обстоятельствами в угол, ощутила вину за случившееся между нами. Ей было всего девятнадцать лет – возраст расцвета, не обременённого элементарным опытом. А мне... Мне хотелось видеть в ней подругу, взирающую на жизнь с высоты хотя бы одного свершения. Но разве могла она оправдать мои ожидания, когда изначально я требовала невыполнимого?

В итоге мы растратили драгоценные минуты на молчание, погрузившись в себя как в необъятную океанскую пучину. Жанна попыталась выудить хоть что-то из Интернета, однако по раздосадованному выражению её лица стало понятно – мир до сих пор пребывал в неведении о случившемся. Глобально это означало только одно: в истории с пришельцами у России вырисовывалось стратегическое преимущество, и мне предстояло приложить дополнительные усилия, чтобы наша страна извлекла выгоду из надвигавшейся на планету катастрофы.

5

В центре управления на Фрунзенской набережной царило неожиданное для всех нас спокойствие. Никто не перебегал из кабинета в кабинет, не ездил вверх-вниз на лифтах, да и общий фон, приближенный к полной тишине, на сто процентов соответствовал воскресному утру. Единственным человеком, встретившим гравилёт на крыше, был генерал-полковник Фомин, вот уже год руководивший этой структурой. Он и отвёл нас в новый зал управления, на ходу объяснив причину столь странного гостеприимства.

– Мы подняли по тревоге только технических специалистов. Сейчас идёт совещание дежурного штаба с целью понять, кого ещё можно привлечь к работе. Но, в любом случае, нам потребуется ваше согласие.

– А как же протокол на случай чрезвычайной ситуации? – я непроизвольно замедлила свой шаг, лихорадочно вспоминая перечень полномочий министра.

– В том-то и дело, что мы оказались вне регламента. С одной стороны, есть непосредственная внешняя угроза, но с другой – мы всё равно не в состоянии перейти к фазе активных действий.

– И каков уровень военной опасности на данный момент? – вдруг ожила молчавшая всё это время Жанна.

– Технически – красный, ибо речь идёт о человечестве в

целом. А практически – можно только строить догадки, ибо никто не в курсе истинных мотивов пришельцев.

Кира, шедшая в нескольких метрах позади нас, весьма недвусмысленно отреагировала на это усмешкой. Я собиралась отчитать её за неуважение к старшим, но не успела – мы добрались до зала управления. Внутри уже ждали министр обороны, бригада техников и десятки трёхмерных проекций. Увидев меня, генерал принял стойку смиренно, однако я опередила его приветствие:

– Юра, давай без официальной мишуры. Не та ситуация, чтобы соблюдать все правила.

Министр кивнул и протянул мне руку, а я в свою очередь ответила ему улыбкой.

– Ну, выкладывай, – мы быстро расселись по местам, не в силах и дальше пребывать в состоянии неведения.

– Всё началось примерно полчаса назад, – доложил генерал, взвешивая каждое слово. – Марс-37 сообщил о неопознанном летающем объекте, внезапно возникшем в двух миллионах километров от планеты.

– Марс-37 – это станция оповещения, работающая под управлением искусственного интеллекта, – мои пояснения были обращены к Кире, единственной среди нас, кто не владел фундаментальной для представления общей картины информацией.

– Попытка установить с чужаком контакт не привела к желаемому результату, – министр нахмурился, словно неуда-

ча каким-то образом зависела от его компетенции. – А на момент, когда мы поняли, что не дождёмся ответа, корабль пришельцев преодолел сто тысяч километров. И это – за семь минут реального времени!

– Полагаю, объект направляется к Марсу? – спросила я, медленно собираясь с мыслями.

– Да. И если его скорость останется неизменной, часа через два он выйдет на орбиту планеты. Разумеется, мы сразу послали за тобой, хотя очевидно, что ты тут не помощник.

– Ну, почему же? – мне стало немного обидно. – В конечном итоге решения принимает главнокомандующий. Кстати, а где генерал Кручинин?

– На Дальнем Востоке. Я собирался вызвать его в Москву, но предпочёл дождаться твоего прибытия.

– Пусть вылетает. Немедленно. У нас нештатная ситуация, и начальник генштаба должен быть здесь, а не на краю света.

Министр сделал экстренный звонок, после чего мы вернулись к обсуждению марсианского кризиса.

– Что ещё известно на данный момент? – моя растерянность уступила место собранности. – Какие-то факты, теории, предположения?

Юрий Сергеевич кивнул на проекцию в центре зала, и я, наконец-то, разглядела виновника сегодняшней неразберихи. Вернее, его схематическое изображение – сплюснутый эллипсоид в окружении постоянно меняющихся цифр.

– Вот он, наш гость, – устало произнёс министр. – Сто

метров в диаметре и никаких опознавательных знаков.

– Всего сто метров? – удивилась Кира. – И эта посуда прилетела из далёкого космоса?

– А почему бы и нет, – моментально парировала Жанна. – К тому же не факт, что на борту есть органическая форма жизни. И если эта гипотеза подтвердится, молчание в эфире получит вполне логическое объяснение.

Юрий Сергеевич вздрогнул от неожиданности. Похоже, такая версия ещё не рассматривалась специалистами. Кто-то решил, что на борту присутствует экипаж, и допущение обрубило целую ветвь вариантов.

– М-да, – задумчиво пробормотала я. – Вот так мы готовы к нестандартным ситуациям.

– Юля, прости. Ребята только приступили к работе. Да и потом... Нам всё равно не проверить это.

– Ладно, забыли, – я предпочла не раздувать из мухи слона и моментально переключилась на другие вопросы. – А что на Земле? США? Европа? Китай? Кто-то из них уже выразил обеспокоенность случившимся?

– Пока тишина. И есть определённая вероятность, что мы единственные, кто знает о незваном госте.

– Как так? – снова не удержалась Жанна. – Они же дежурят 24 часа в сутки!

– Дело не в этом, – министра явно смущало присутствие за столом Киры, но я не желала ни на секунду расставаться с дочерью. – Марс-37 принадлежит России, как и все станции,

находящиеся в этом секторе. А значит, чужак попал в зону нашей ответственности, и нам решать, с кем и когда делиться информацией. Конечно, вскоре его заметят и остальные, но я убеждён, что пока мы имеем небольшую фору.

– То есть, у нас есть выбор: сообщить об открытии миру или дождаться, когда тайное станет общеизвестным? – я сжала правую ладонь в кулак и мысленно прокляла тех, чей звездолёт поставил меня перед этой дилеммой. – И сколько времени мы имеем в запасе?

– Максимум час, – не моргнув глазом, ответил генерал. – Но не советую оттягивать до последнего.

Я поняла, к чему клонит министр. Наличие проблемы в космосе не отменяло геополитическую ситуацию на Земле, весьма чувствительную к малейшему недопониманию между странами. Особенно если речь шла о России, Китае и США – трёх китах, удерживавших мир в равновесии. Стоило только заподозрить нас в преднамеренном утаивании информации, цивилизацию накрыло бы волной очередного кризиса. Мне, как президенту, это было нужно меньше всего на свете, и я без сомнений согласилась со словами генерала.

– Тянуть не будем. Свяжитесь с США и Китаем. Пусть их структуры тоже займутся гостем.

– А как же фора? – неожиданно возмутилась Кира. – Вы говорили, у нас есть немного времени.

– Мы всё равно связаны по рукам и ногам и можем лишь ждать, пока звездолёт не приблизится к Марсу, – Юрий

Сергеевич потянулся к коммутатору, но моя дочь проявила свойственную ей настойчивость:

– Так давайте и подождём хотя бы полчаса, а уж потом растрезвоним о пришельцах миру.

– Она права, – вступилась за Киру Жанна. – Риск минимален, зато есть вероятность джекпота.

Я почувствовала, что ситуация выходит из-под контроля, и пресекла все дальнейшие обсуждения вопроса:

– Хорошо. Ждём ровно полчаса. А пока... Что там у нас на Марсе?

– Научно-исследовательский комплекс, десять человек персонала. Мы активировали секретный канал связи, но есть неудобство – слишком большая задержка.

– Чёрт! – я покопалась в своих знаниях по астрономии и догадалась, что между планетами сейчас далеко не минимальное расстояние. – Выходит, они будут действовать на свой страх и риск, невзирая на наши распоряжения?

– Увы, мы не в состоянии координировать их действия, – помрачнел Юрий Сергеевич. – Более того, Марс-37 запрограммирован так, что в случае угрозы будет стрелять на поражение. Впрочем, как и любая другая станция защиты.

– Да, я помню, – мне захотелось взять кирпич и швырнуть его в висевшую перед нами голограмму. – Но это фактически будет объявлением войны! И не кому-то, а инопланетной цивилизации!

– Давай без паники, – министр посмотрел на часы. – Пока

наш гость не проявляет никакой агрессии.

– Вот только он летит напрямиком на Марс. И вряд ли догадывается, что там есть защитный периметр. Кстати, скажи... А почему мы засекали его в непосредственной близости от планеты? У наших радаров ограничение два миллиона километров?

На лице Юрия Сергеевича отобразилось такое напряжение, что я догадалась – мой вопрос снова попал в десятку.

– Радары тут ни при чём. Мы могли бы обнаружить звездолёт и раньше, но он, словно в сказке, появился из ниоткуда.

– Телепортация? Маскировочное поле? Прыжок через гиперпространство? – я перечислила всё, что пришло мне в голову.

– Юля, остынь. У нас нет возможности проверить твои гипотезы. Просто прими как факт наличие у них недоступных на Земле технологий.

– И что в итоге? Ощущение полной безнадёжности перед лицом всемогущего противника? – я зажмурилась, пытаюсь упорядочить свои мысли. – Да, и ещё... Юра, тебе не снилось ничего необычного?

Министр не сразу принял моё любопытство всерьёз, и какое-то время над столом висело молчание.

– Нет, – наконец, честно признался он. – Меня вообще редко посещают видения.

– И слава богу, – я снова открыла глаза и обнаружила, что

прошло уже четыре минуты. Время таяло, ручьями стекая в прошлое, но в сводках с Марса менялись только цифры.

– Может быть, ты позвонишь папе? – в голосе Киры всё отчётливее звучали нотки страха. – Он же вообще не догадывается, что происходит.

Я вздохнула. Мне очень хотелось поговорить с Антоном. Вот только Лондон находился по ту сторону открытого нами фронта, и мой звонок стал бы подарком для спецслужб Великобритании.

– Не сейчас. Сначала уладим проблемы мирового масштаба, а уж потом перейдём к семейным вопросам.

Дочь явно не обрадовалась моему вердикту. В её глазах я прочла желание продолжить спор, наплевав на всё, что происходило в мире. Но вышло иначе. Прозвучал короткий звуковой сигнал, и зал управления превратился в улей. Техники разбежались по компьютерам, а Юрий Сергеевич застыл посреди этого хаоса подобно статуе, неподвластной самому времени.

– Что?! Что случилось?! – выкрикнула я в пустоту, одной рукой хватая за запястье Киру.

Только тогда министр отвёл глаза от голограммы и лишённым малейшей интонации голосом произнёс:

– Госпожа президент, пожалуйста, сохраняйте спокойствие. Чужак проснулся и передаёт сигнал.

6

Кому-то покажется, что моя семейная жизнь – набор клише из дешёвых фильмов. Спорить не буду: у меня далеко не идеальный брак, но мы с Антоном продолжаем любить друг друга. Он менеджер в достаточно крупной компании и очень спокойно относится к моей карьере. Конечно, друзья подначивали его ещё в академии, где мы познакомились, когда я училась на третьем курсе. Там я слыла неприступной крепостью. Девушкой, у которой на уме одна учёба. А мой будущий муж был обычным бабником. Правда, как правило, не имевшим у дам успеха. Тем удивительнее выглядел наш роман, возникший на фоне обоюдного увлечения французским. За пару месяцев мы настолько привязались друг к другу, что во время каникул решили оформить отношения в ЗАГСе. Родители уговаривали меня повременить со свадьбой, но я отказалась, а Элеонора Михайловна неожиданно встала на мою сторону. Денег, заработанных мной за время учёбы в школе, с лихвой хватило на двухкомнатную квартиру в Подмосковье, где мы с Антоном и провели первые годы нашей совместной жизни. Там же родилась Кира, появились уже покойный кот Бернارد и всеобщий любимец – попугай-непоседа Луи. Потом мы переехали в Москву, дочь подросла, а карьеры раскидали нас по свету. Но даже теперь, через двадцать с лишним лет брака, я понимала, что обожаю

своего мужа. И мне было больно от непривычного ощущения разлуки в тот самый момент, когда мир повис над пропастью.

Впрочем, все чувства отошли на задний план, едва среди техников снова началось движение.

– Передача прекращена, – сообщил один из них, и Юрий Сергеевич уставился на какие-то таблицы.

– Сигнал обрабатывается, – наконец, произнёс он. – Часа через два получим предварительные результаты.

– Ты чем-то обеспокоен? – я уловила в его словах сомнение. – Что-то не так с принятым нами сигналом?

– Всё так, – министр оторвал взгляд от проекции, – но есть ощущение, что послание прервали на полуслове. Плюс ко всему это была узконаправленная передача.

– И кто адресат? – я невольно перешла на шёпот, словно вокруг нас сидели иностранные агенты.

– Пока не знаем. Сигнал ушёл в сторону Юпитера, и только чудом Марс-37 поймал его отголоски.

– А остальные? Есть ли какая-то вероятность, что США и Китай тоже перехватили сообщение?

– Есть. Но она близка к нулю. По крайней мере, Марс-36 до сих пор не заметил ничего необычного.

– Скоро заметит, – мрачно пошутила я, однако на сердце стало немного легче. – А Кира не промах. Дала неплохой совет, который, возможно, принесёт нам большие бонусы.

Дочь покраснела, моментально забыв обиду, и только то-

гда я отпустила её руку.

– Итак, – Юрий Сергеевич подвёл промежуточный итог операции, – игра окончена? Объявляем о пришельцах миру?

– Стоп, – я слегка остудила его пыл. – Давай подождём, пока объект засекут другие станции.

Министр не спорил, и уже через пять минут Марс-36 передал сигнал тревоги. Поскольку к тому времени мои указания были доведены до всех собравшихся в зале управления, мне не пришлось координировать дальнейшую работу штаба. В ход пошли стандартные для таких ситуаций инструкции, а нам с генералом достались роли сторонних наблюдателей – этаких режиссёров на премьере выстраданного ими спектакля. И надо отдать должное исполнителям, они безошибочно выполнили возложенные на них задачи. В течение последующих пятнадцати минут США и Китай получили всю информацию касательно неопознанного объекта, и по их реакции на наши данные мы сделали вывод, что единственные знали о пришельце. На Марс тут же были отправлены сигналы тревоги, предписывавшие каждой из баз приготовиться к экстренной эвакуации. Конечно, это выглядело как фарс – человечество ещё не успело обзавестись укрытиями на красной планете. Всё, на что могли рассчитывать заброшенные туда учёные – это перебраться на соседнюю станцию. Таковых было три: китайская, американская и наша, где кроме русских работало четверо специалистов из Европы. Учитывая расстояния между объектами, которое исчис-

лялось тысячами километров, сама возможность успешной переброски персонала казалась мифом, придуманным для ложного успокоения. Впрочем, пока что Марс не находился под прямой угрозой, а мы в Москве решали несколько иную задачу. Техники смоделировали процесс передачи чужаком сообщения, максимально уменьшив коридор отправленного им сигнала. Безрезультатно. Информация ушла в направлении, где по нашим данным не было никаких объектов. Когда стало ясно, что мы ни на шаг не приблизились к разгадке, я отвела генерала в сторону и уже без свидетелей поделилась мучавшими меня мыслями:

– Юра, мне страшно. Если этот корабль шлёт сигнал в пустоту, есть всего две причины, объясняющие его поведение.

Министр кивнул, но не промолвил ни слова, дав мне возможность сделать самостоятельный вывод.

– И знаешь, – продолжила я, чувствуя, как слова застревают у меня в горле, – сомнительно, что правильный вариант – сбой столь совершенного оборудования.

Когда США и Китай провели собственный анализ ситуации, со мной поочерёдно связались президент Рик Стивенс и председатель Земин Чэнь. На удивление, суть их основных предложений свелась к одному – ни в коем случае не допустить утечки информации. Земля должна была жить как раньше, и лишь немногим стоило приоткрыть завесу тайны. У этой стратегии был неоспоримый плюс – мы сохраняли спокойствие среди населения. Ибо хаос, который мог возникнуть в случае обнародования всех данных, грозил дестабилизацией мирового экономического равновесия. И пусть отсрочка носила кратковременный характер, каждый час имел принципиальное значение. Интернет-трансляции с марсианских баз тут же попали под прицел модераторов, в обсерваториях ввели режим максимальной секретности, а для СМИ подготовили несколько вариантов объяснений на случай, если что-то пойдёт не по плану.

– Выходит, Европа будет пребывать в счастливом неведении? – спросила Жанна, когда суэта сменилась ожиданием. – По-твоему, они не поймут, что случилось нечто невероятное?

– Поймут, если невероятное станет реальностью, – в сложившихся обстоятельствах я не горела желанием оправдываться перед ассистентом. – А пока у нас есть час свободно-

го времени, чтобы хоть как-то подготовиться к новому мировому порядку.

– Ты допускаешь глобальный военный конфликт? – без промедления отреагировала на это Кира.

– Он неизбежен, – печально сказала я. – И дело не в том, что вам с Жанной приснились бомбёжки.

– Но кто? США? Европа? Китай? Или какие-то террористические организации?

Мне очень хотелось дать дочери ответ, который бы разом избавил её от терзаний. Вот только для этого нужно было хладнокровно солгать, а я не любила слишком простые решения.

– Зависит от ситуации, – пришлось говорить ей правду. – Всё может повернуться таким образом, что именно нам придётся примерить костюм агрессора.

– Мама! – она даже не попыталась сдержать эмоции. – Как ты вообще додумалась до такого варианта?!

– Президент должен держать в голове все возможности по урегулированию кризиса. А силовой метод – это самый эффективный путь. Если, конечно, у тебя достаточно необходимых ресурсов.

– Но... – Кира посмотрела мне в глаза и вдруг замолчала, словно испугавшись своей смелости.

Я догадалась, что заставило поступить её подобным образом – метаморфоза, превратившая меня в чудовище. Впервые в жизни дочь столкнулась со мной на рабочем месте, и,

как назло, именно в тот момент, когда обстоятельства, обрушившиеся снежным комом, смели в преисподнею мою человеческую сущность.

– Всё хорошо, – я попыталась успокоить нас обеих. – Мы справимся, потому что нет другого выбора.

– Да, – тихо ответила она. – Ты справишься, потому что у тебя есть ресурсы.

Не знаю, о чём думала Кира в тот момент, но её лицо не выражало никаких эмоций. Скорее всего, это был психологический шок – закономерный итог уже случившихся за полдня событий. И мне следовало посидеть с дочерью, чтобы хоть как-то сгладить его негативное воздействие. Однако тут снова раздался звуковой сигнал, вслед за которым центральная проекция обратилась в космическую мглу – чёрное облако диаметром три с половиной метра.

– Прямая трансляция с Марса-37, – сообщил министр, возвращаясь за стол. – Конечно, с поправкой на несколько минут задержки.

– И сколько осталось до визуального контакта? – мне показалось, что я потеряла ощущение времени.

– Полчаса, – генерал немного взбодрился и даже попробовал отвлечь нас от голограммы. – Может быть, чаю? Пока есть небольшой перерыв, лучше использовать его по назначению.

– Согласна, – я изобразила на лице улыбку. – А заодно ты расскажешь нам о Марсе. Насколько я помню, у американцев

там тридцать человек персонала. Но, хоть убей, мне не ясно, что они ищут.

– То же, что и все, – пожал плечами министр. – Полезные ископаемые и следы разумной жизни.

– А китайцы? Они построили целый город в надежде, что кто-то забредёт к ним в гости?

– Не знаю, – нам принесли чай, и Юрий Сергеевич первым взялся за чашку. – К сожалению, в данном вопросе нельзя полагаться на разведку. Всё, что известно – это численность персонала станции. Тысяча тридцать два человека. Плюс пресс-релизы, которыми они кормят прессу.

– То есть, найди там китайцы что-то ценное, мы будем в неведении до окончания времени?

– А что поделать? – попытался оправдаться министр. – Марс – единственное доступное место, где можно хоть как-то утаить свои секреты. Мы сами приняли программу его разобщённого исследования, а Китай... Он просто не пожалел ресурсов.

Внезапно мне стало обидно за Россию – первый раз за годы моего президентства! Да, мы по-прежнему во многом отставали от запада и не во всём успешно конкурировали с востоком. Но я видела, как страна идёт вперёд и как меняется само мировоззрение нации. И всё же... Что она могла противопоставить соседу, чьё население перевалило за два миллиарда жителей?

– Ирония в том, что на ценное наткнулись мы, – я осто-

рожно пригубила из своей чашки. – Вот только как обратить это на наше благо?

– Хороший вопрос, – усмехнулся Юрий Сергеевич. – Ты всерьёз веришь, что от пришельцев может быть польза?

– Нет, если ориентироваться на кино и книги. Но я президент, и моя главная задача – искать преимущества даже в глобальных катастрофах.

– Мама, достаточно, – жалобно взмолилась Кира. – На твоём месте я бы лучше поговорила с папой.

Видимо, Бог услышал её просьбу. Раздался лёгкий щелчок, и, бросив взгляд на браслет на левой руке, я обнаружила, что это звонок от мужа. Сердце тотчас же забилося в учащённом ритме, а на висках выступили капли пота. Генерал понял всё без слов и по-отечески похлопал меня по предплечью.

– Иди. У тебя есть несколько минут. Уверен, ты не разболтаешь лишнего.

Я пулей выскочила в коридор, плюнув на имидж первой леди государства. Мне повезло – моё исчезновение осталось незамеченным, ибо вокруг творилась сама история. Забежав за угол и плотно прислонившись к стене, я активировала дополнительное шифрование. Конечно, это была бессмысленная предосторожность – нас прослушали бы при любых обстоятельствах. Но что-то, сидевшее глубоко внутри меня, настойчиво требовало соблюдать все правила.

Антон нисколько не удивился моему нежеланию включать

видеорежим и по привычке начал с традиционного приветствия:

– Доброе утро, президент! Ты уже на пляже?

– Здравствуй, любимый, – я отступила от обычного сценария и тут же почувствовала, как между нами повисло напряжение. – Пляж отменился. Возникли неотложные дела, поэтому мы сегодня на работе.

– Мы? – от неожиданности Антон потерял дар речи, – Но... Чёрт возьми, что всё это значит?

В глубине души я даже обрадовалась его реакции. Для стороннего слушателя наш разговор превратился в фарс, и теперь мне оставалось только не ляпнуть лишнего.

– Кира со мной, – сообщила я после паузы, – и нам обеим не хватает твоего присутствия. Прости, но мне нужно бежать. Крепко целую. Перезвоню, когда будет возможность.

Не дожидаясь ответа, я отключилась от сети, тихо всплакнула и вернулась в зал управления. Антон услышал то, о чём мы условились ещё до моего президентства, так что теперь мог самостоятельно принять решение. Признаться, я не ждала, что он как ошпаренный полетит домой, однако надеялась на небольшую коррекцию его долгосрочных планов.

Кира встретила меня вопросительным взглядом и улыбнулась, прочитав в моих глазах облегчение. Я заговорщицки подмигнула ей – почти как в детстве, когда мы играли в одной команде. В который раз за день мне захотелось побыть рядом с дочерью, но разум упрямо напоминал о пре-

зидентском долге. Пришлось задушить свои чувства на корню и вновь приступить к исполнению должностных обязанностей.

От суеты в зале не осталось и следа. Юрий Сергеевич что-то искал среди голограмм, а Жанна понуро изучала чашку с чаем. Я аккуратно подошла к ней со спины и, наклонившись, прошептала в ухо:

– Жалеешь, что согласилась стать моим ассистентом?

– Ни капельки, – на удивление спокойно ответила она. – Я и сейчас сделала бы такой же выбор.

– Хочешь увидеть, как разбомбят Нью-Йорк? – мне было трудно удержаться от этой шутки.

– Нет, – в её голосе прозвучали нотки меланхолии. – Желаю узнать, где находится Изумрудный город.

Внутри меня словно возникла пустота, и что-то холодное коснулось моего сердца. Я посмотрела на висевший над нами эллипсоид – крошечную проекцию грядущего мирового кризиса. Так ли в своих мечтах мы представляли контакт с инопланетной цивилизацией? На то ли надеялись, веками вглядываясь в ночное небо?

Ответ пришёл сам собой – рациональный и оттого ещё более пугающий своей сутью. Я никогда не задумывалась об этом всерьёз, ибо не верила в саму возможность существования пришельцев. И потому то, что творилось вокруг меня тогда, казалось крахом прежде непоколебимой религии.

8

За семь минут до расчётного выхода чужака на орбиту Марса со мной связался генерал Кручинин. Его гравилёт преодолел примерно треть пути, и он в любом случае не успевал к началу представления. Зато, в отличие от меня с министром, начальник генштаба жаждал активных действий.

– Надеюсь, вы не отключили марсианскую систему защиты? – поинтересовался он, едва мы обменялись формальными приветствиями.

– Нет. Станции работают в автономном режиме и будут стрелять, если возникнет хоть малейшая угроза.

– А что на Земле? Вы собираетесь приводить войска в боевую готовность? Насколько я понимаю, ситуация близка к критической.

– Мы с министром ещё не обсуждали этот вопрос. Первоначально нужно выяснить мотивы пришельцев.

– Юлия Александровна! – буквально взмолился генерал. – Вы всерьёз думаете, что они прилетели с миром?!

Я не ответила. Если с министром нас связывали пятнадцать лет знакомства, за время которых мы успели стать друзьями, то начальник генштаба возник в моей жизни восемь месяцев назад, когда я сама назначила его на эту должность. Разумеется, после консультации с Юрием Сергеевичем, ко-

торый рекомендовал Кручинина как профессионала с большой буквы. Так и оказалось. Генерал прекрасно справлялся со своими обязанностями, однако, похоже, для него не существовало авторитетов. Тем более, если речь шла о сорокалетней женщине, пусть даже занимавшей президентское кресло.

– Юлия Александровна? – повторил он, озадаченный моим молчанием. – Сейчас не время успокаивать себя иллюзией.

– Да нет у меня никаких иллюзий, – выдохнула я через силу. – Просто к чему мутить воду раньше времени? Ему до Земли минимум неделя полёта.

Марк Андреевич издал нечто похожее на ругательство, никак не вязавшееся со статусом нашего разговора. И даже не извинился, хотя между ним и мной лежала пропасть в двадцать четыре года.

– Товарищ генерал... – я попыталась вернуть беседу в деловое русло, но у Кручинина, похоже, окончательно сдали нервы.

– Вы доведёте нас до могилы! – заявил он, прерывая связь с твёрдой уверенностью в безнаказанности своего поступка.

Я вопросительно посмотрела на министра. Тот промолчал, словно ожидал чего-то подобного.

– Хорош ваш протезе в экстремальной ситуации, – съязвила я, закипая как чайник. – А если бы мне потребовался его доступ к кнопке?

Юрий Сергеевич схватился руками за голову. Похоже, он

начал понимать главное. Мы стремительно утрачивали контроль над положением, и в любую секунду могла разразиться катастрофа. Причём не на Марсе, удалённом на сотни миллионов километров, а здесь, на Земле, в колыбели нашей цивилизации.

– Три минуты до визуального контакта, – голос начальника управления стальным прутом прошёлся по моим мыслям. – Чужак по-прежнему не реагирует на наши запросы. Марс-37 приведён в состояние полной боевой готовности.

Неожиданно где-то внутри себя я осознала, что мы наблюдаем прошлое. А в настоящем, пока недоступном здесь, уже свершилось историческое для землян событие. Его результат нам предстояло увидеть через несколько минут, но что-то подсказывало – на Марсе произошла трагедия.

Чья-то рука коснулась моего плеча, и, обернувшись, я встретила взглядом с Киной.

– Мама, держись, – приободрила меня она и, подавшись вперёд, поцеловала в щёку.

Мир качнулся, утратив привычные очертания – как в бреду я отшатнулась от дочери.

– Спасибо, – губы сами подобрали нужный ответ, и наступило затишье перед бурей.

Наконец, на проекции, транслировавшейся с Марса-37, возник эллипсоид, стремительно приближавшийся к станции.

– Он тормозит, – всё тем же металлическим голосом со-

общил Фомин. – И делает это чертовски быстро!

Я приготовилась рассмотреть чужака в деталях, но глаз уловил только серебристый окрас обшивки. В следующее мгновение голограмма растворилась в воздухе, а в ушах зазвучал уже опостылевший сигнал предупреждения.

– Связь утеряна, – объявил генерал-полковник. – Переключаемся на трансляцию с Марса-36.

– Что происходит? – взволновано спросила я, но никто не смог объяснить случившееся.

Возникшая на месте исчезнувшей голограмма продержалась не больше десяти секунд, после чего мы снова остались без картинки.

– Они блокируют наши каналы связи? – с робкой надеждой предположила Жанна.

Министр хотел прокомментировать её слова, но в эту секунду поступил вызов из Пентагона, и секретарь по обороне Регина Вуд на чистом русском огорошила нас вопросом:

– Что происходит с вашим сектором? Мы зафиксировали уже четыре взрыва!

Моя душа моментально упала в пятки.

– Проклятье! – Юрий Сергеевич бросился к таблицам и начал судорожно что-то выговаривать техникам. Потом повернулся лицом к американской коллеге и окончательно убитым голосом произнёс:

– Вы можете переслать видеозапись? Похоже, мы потеряли связь со всеми станциями.

– Сейчас, – Регина отдала приказ своим подчинённым, и нас окружила холодная бездна космоса.

По крайней мере, меня сразу прошиб озноб, едва я увидела взрыв в углу проекции.

– Марс-37, – донеслось до моего слуха. Незнакомец говорил по-английски, и от этого стало только хуже.

Облако мрака пронзила ещё одна короткая вспышка.

– Марс-36, – продолжил свой монолог неизвестный.

Как ни странно, его демонстративное равнодушие пугало больше, чем корабль-чужак, с маниакальным спокойствием расправлявшийся с нашим флотом.

– Марс-35, – только после третьего объявления я догадалась, что докладчик – обыкновенный компьютер. Мне тут же захотелось прекратить этот безумный спектакль, финал которого давно отображался в таблицах. Но мы успели увидеть ещё четыре вспышки, прежде чем миссис Вуд дрожащим голосом прервала демонстрацию записи:

– Эта штуковина принялась за наши станции. Мы потеряли уже семь объектов. Товарищ министр, у вас имеются хоть какие-то догадки?

– Никаких, – без раздумий ответил генерал. – А есть информация по китайскому сектору?

– На данный момент они лишились четырёх спутников. Но враг как раз проходит через их зону.

– А что на планете? Вы эвакуируете персонал? Похоже, базы – следующая цель пришельцев.

Регина промедлила, взвешивая все за и против, прежде чем выдать несколько шокирующую информацию:

– Мы дали Марсу полную свободу действий. С одним условием – никуда не уходить со станции.

Юрий Сергеевич молча проглотил услышанное, и любой протокол одобрил бы его реакцию. А я не смогла. Во мне пробудилась женщина – мать, для которой что-то значили и чужие жизни.

– Это чудовищно! – бросила я секретарю. – Своими приказами вы обрекаете их на гибель!

– Госпожа президент, – с укором возразила Регина, – мы не желаем приносить их в жертву. Но выбора нет. Если этот корабль – враг, никто и ничто не спасётся на поверхности Марса.

– Посмотрим, – я продолжала гнуть свою линию. – И если вы передумаете – добро пожаловать на нашу базу.

Наверно, миссис Вуд сочла меня сумасшедшей. По крайней мере, на её обычно строгом лице я различила едва заметную усмешку. А потом включился соседний проектор, и не на шутку встревоженный Земин Чэнь разом пресёк назревавшее противостояние.

– Чужак уничтожил двадцать четыре наших спутника, – проинформировал он, сразу переходя к делу, – и на десерт разнёс в щепки «Красную зарю»... Всё, что мы строили в течение двух десятилетий!

На большее у председателя не хватило сил. Замолчав, он

обмяк, и на глазах у него появились слёзы. Мне стало неловко из-за того, что я оказалась свидетелем чужой слабости, но должность требовала адекватной реакции на увиденное.

– Примите наши искренние соболезнования, – молвила я, поправляя выбившийся из причёски локон. – Сегодня мы все по одну сторону баррикад, и каждого ждёт боль от своей утраты.

Регина добавила что-то от себя – веточку фальши на свежерытой могиле истории. Мне было тошно выслушивать монолог миссис Вуд, но Земин Чэнь ловил её слова как ребёнок. Наконец, когда эмоции осели на дне души, я всё же решилась и обратилась к председателю:

– И что теперь? Будем объединять усилия и делать всё, чтобы не пустить чужаков на Землю?

– Да, – лаконично ответил он. – Китай готов предоставить любые ресурсы.

– США тоже, – поспешно вмешалась секретарь, и я кивнула, подтверждая сделку.

Приободрившись, Земин Чэнь посмотрел куда-то сквозь меня и произнёс, словно его снимали сотни камер:

– Что ж. Можно считать это началом большой войны. Первой, которая объединит человечество.

9

Лёгкость, с которой чужак уничтожил инфраструктуру Марса, в некотором роде дала нам первое представление о пришельцах. Они однозначно превосходили человечество в техническом развитии и, похоже, не очень-то обременяли себя вопросами морали. Хотя что мы знали о нравственных принципах тех, кто, возможно, уже исследовал половину галактики?

Из сорока пяти станций, обеспечивавших защиту планеты, уцелели только две: китайская Марс-11 и американская Фобос-2, как раз накануне перешедшие на другую орбиту. Теперь они находились на некотором отдалении от театра военных действий, и с их помощью мы могли наблюдать за манёврами пришельца.

А тот не спешил. Словно насытившийся хищник, корабль медленно вращался вокруг вокруг планеты, то ли ища очередную цель, то ли рассчитывая идеальное место для посадки.

Когда чужак пошёл на третий виток, Юрий Сергеевич предложил мне выйти из зала.

– Наши опасения подтверждаются, – признался он, не расстрачиваясь на прелюдии. – Специалисты ещё раз проанализировали перехваченный сигнал и почти точно определили местоположение адресата.

– Вау! – на секунду я забыла о своём статусе. – Юра, да ваши ребята просто гении!

Министр пропустил мой восторг мимо ушей и, оглядевшись, перешёл на шёпот:

– Им повезло. Мы случайно наткнулись на эхо передачи, а остальное было делом техники.

– И? – я с трудом сдерживала волнение.

– Объект, принявший сигнал чужака, находится в ста шестидесяти двух миллионах километров от Марса.

– Это всё? – меня охватило глубокое разочарование. – А его размеры и расчётная траектория?

Генерал виновато улыбнулся. В свои шестьдесят четыре года он работал уже с третьим президентом, и первые два никогда не задавали лишних вопросов. Но я была женщиной, склонной к чрезмерному любопытству, так что порой со мной у него возникали сложности.

– Увы, – Юрий Сергеевич развёл руки в стороны. – Сигнал сигналом, однако по нашим данным в заданном секторе по-прежнему пустое пространство.

– Хорошая маскировка, – реальность быстро остудила мой пыл, и всё-таки я сделала ещё одну попытку. – А можно послать туда разведчика?

– Можно, – на удивление легко согласился министр. – Только, боюсь, нас не устроит время ожидания.

– И что же делать? – я посмотрела генералу в глаза и прочла в них ещё не написанную книгу.

– Работать. Мы продолжаем расшифровку передачи, и есть ощущение, что скоро будут результаты.

Надежда, вспыхнувшая в моём сердце, погасла, едва её пламя коснулось океана разума. Я бесконечно уважала Юрия Сергеевича, но знала – в игре с пришельцами нельзя полагаться на правила. Как нельзя полагаться на Регину Вуд, китайского председателя или... генерала Кручинина. Последнее имя всплыло само собой, а вслед за этим в коридоре появился силуэт Марка Андреевича.

– Ну, наконец-то! – увидев нас, он резко ускорил шаг и уже секунд через пять пожимал мне руку, – боялся, что прилечу слишком поздно. Надеюсь, мы ещё не ввязались в третью мировую?

– Вы бы узнали об этом первым, – я скривилась от его шутки. – Войны не будет. По крайней мере, здесь, на Земле. Мы остановим их за лунной орбитой.

– И каким образом? – усмехнулся Марк Андреевич. – Думаете, мощи наших баз хватит на то, чтобы подбить пришельца?

– Хватит, если мы будем действовать сообща, – от моих слов у генерала отвисла челюсть. – И вам, как начальнику генерального штаба, пора приступать непосредственно к работе.

Кручинин, не ждавший столь «тёплого» приёма, застыл на месте с округлившимися глазами.

– Юрий Сергеевич, введите Марка Андреевича в курс де-

ла, – попросила я, аккуратно отступая в сторону. – На вас двоих – координация действий с союзниками.

И прежде чем министр успел что-то сказать в ответ, я ловко юркнула в приоткрывшуюся за спиной дверцу. Теперь, когда полная неопределённость сменилась чётким пониманием опасности, мне, наконец-то, можно было пообщаться с дочерью.

Кира сидела на том же самом месте, увлечённо рассматривая мелькавшие перед ней таблицы.

– Интересно? – осторожно спросила я, втайне надеясь на сверхстойчивость её психики.

– Более чем, – она даже не отвлеклась от своего занятия. – Столько информации по одному инопланетному кораблю! Ощущение, что вы контролируете каждый миллиметр пространства!

– Так и есть, – мне сразу стало намного легче. – Но, к сожалению, сейчас это не приносит дивидендов.

– И вы собираетесь закидать его ракетами? – её вопрос породил во мне сомнение.

– Решение ещё не принято. Будем анализировать, проводить контрольные испытания. Хотя в любом случае у нас нет другого оружия дальнего действия.

– В сравнении с ним ваши ракеты – космические черепахи, – Кира на миг оторвалась от голограммы. – На твоём месте, мама, я бы настояла на поиске иных вариантов.

– Например? – меня огорошило её предложение. – У тебя

в шкафу спрятан универсальный аннигилятор?

– Увы. В шкафу только двадцать четыре платья. Но Земля буквально напичкана различным оружием. Так почему бы не применить его по назначению?

– Ты видела, что произошло на Марсе? У нас не было ни секунды на раздумья, хотя все решения принимали системы искусственного интеллекта.

– Тогда они были запрограммированы на оборону. Теперь же мы можем нанести удар первыми. Главное – использовать только эффективные технологии. Помнится, ты рассказывала мне про лазеры...

– Не получится. Они смонтированы на околоземной орбите, а мы собираемся дать бой вдали от дома.

– Одно другому не мешает. Если ракеты окажутся бесполезными игрушками, нам всё равно придётся сражаться возле планеты. А так и будет. Я, конечно, не аналитик, но... По-моему, ситуация проще некуда.

– Спасибо за совет, – внезапно мне стало жарко, и, сняв пиджак, я повесила его на спинку кресла. – Из тебя вышел бы неплохой стратег. Но сейчас во главе угла у нас политика. И я очень сильно сомневаюсь, что США и Китай поддержат идею девятнадцатилетней девушки.

– Им необязательно знать автора этого предложения. И... Проклятье! Мама, ты же сама против моего плана.

– Да, против, – честно призналась я и как-то неловко потрепала её по волосам. – Ты молода, талантлива, у тебя есть

своё представление обо всём. Но... ты студентка, а не президент России.

– Объясни, – Кира резко повернулась ко мне лицом, и в глазах её промелькнула вспышка гнева. – Раз уж я тут, то, наверно, имею право знать, что за фигня творится на высшем уровне.

– Имеешь, – я опустилась в соседнее кресло и по привычке положила ногу на ногу. – Понимаешь... Когда разрабатывалась система защиты Земли, каждая из сторон взяла на себя определённые обязательства. Мы поделили околопланетное пространство на зоны влияния и запустили по тридцать восемь боевых спутников. Вместе они образуют единую сеть, которая активируется после получения трёх сигналов: от Китая, США и России. После этого каждая из стран может управлять своими объектами до тех пор, пока не будут отправлены коды отмены...

– Этакая защита от дурака? – покачала головой Кира. – И ты боишься, что вынужденная активация системы спровоцирует нас на внутренние разборки?

– Не то что боюсь, – неуверенно призналась я. – Просто Россия рискует намного больше.

– Упс... – и без того огромные глаза дочери расширились от удивления. – Но почему?

– Потому что бюджет, – ответ прозвучал несколько неуклюже, однако Кира быстро справилась с недоумением.

– Хочешь сказать, наши спутники обладают лазерами

меньшей мощности? – она напряглась, отчаянно копаясь в памяти. – Но мне казалось, суть проекта именно в том, что все установки имеют идентичные характеристики.

– Должны иметь, – поправила её я. – Однако мы предпочли сэкономить деньги.

– О, боже! – Кира прикрыла рот рукой, хотя никто даже не посмотрел в нашу сторону. – И ты участвовала в этой авантюре?

– Проект реализовали девять лет назад. Тогда я даже не была министром. Так что расслабься, твоя мама тут ни при чём. Да и вообще, это вовсе не авантюра.

– Ну, да. Это просто откровенный обман. Ложь, отвечать за которую нынешнему правительству.

– Никто же не думал, что систему придётся активировать через несколько лет, – я попыталась оправдать предшественника. – Расчёты показывали: в ближайшие полвека к Земле не приблизится ни один астероид.

– Вот только теперь сюда летит инопланетный захватчик, а наша защита не выдерживает никакой критики. И чем мы будем его встречать? Сэкономленным в прошлом бюджете?

Мне было нечем крыть обвинения Киры даже с позиции макрофинансового аналитика. Ошибка, допущенная десять с лишним лет назад, грозила стать адом для всего человечества. А как минимум – серьёзной проблемой для России. Если, конечно, потребовалось бы активация орбитальной си-

стемы защиты.

– Вот поэтому я и надеюсь на ракеты, – мои пальцы впились в боковины кресла. – Останови мы пришельцев около Луны, нам не придётся проверять союзников на лояльность.

– Надежда умирает последней, – философски заключила Кира. – Но на твоём месте я бы молилась на другое.

– Ты о чём?

– О сражении на околопланетной орбите. Оно неизбежно, если чужак решит напасть на Землю. И тогда придётся рассчитывать на то, что под удар попадёт не российский сектор.

Я замерла. Почему-то эта очевидная мысль даже не думала приходить мне в голову. Возможно, потому что события на Марсе полностью изменили мои представления о том, в каком направлении будет развиваться симбиоз вселенной и человечества. Из уникальной перспективной расы, только-только приоткрывшей дверь в космос, мы превратились в обычных дикарей – аборигенов, дождавшихся внеземных захватчиков. И теперь я воспринимала нас как жертв, способных страдать, но не готовых к вразумительному ответу.

– А ты права, – во мне затеплилась робкая надежда. – Если повезёт, мы даже можем оказаться в плюсе...

– Мама! – укоризненно произнесла Кира. – Ты даже сейчас думаешь о государственной выгоде?!

– Я президент. И если всё обойдётся, никто не отменит политическое устройство мира.

Дочь лишь вздохнула. Её внимание снова переключилось

на таблицы, и я поняла, что она больше не хочет тратить моё время. Мне оставалось одно: оценить этот великодушный жест печальной улыбкой благодарной матери.

С прибытием генерала Кручина в управлении стало заметно меньше движения. Техники буквально прилипли к своим местам, аналитики собрались за столом у информационных экранов, и лишь Юрий Сергеевич, предоставленный сам себе, беззвучной тенью перемещался из одной части зала в другую. Избавленная от необходимости контролировать всех и вся я заняла место рядом с генерал-полковником Фоминым – подальше от любопытных взглядов, но в эпицентре стремительно разворачивавшихся событий. А уже в час дня по московскому времени чужак завершил свою марсианскую миссию и, уничтожив три китайских вездехода, уверенно двинулся по направлению к Земле. Сомнений не оставалось – он имел чёткую программу действий, прекрасно зная, где находится дом человечества. Когда все поняли, что встреча с ним неизбежна, мне позвонил разгорячённый Рик Стивенс с одной лишь целью – выразить своё сочувствие.

– Жаль, что наши попытки сделать этот мир лучше так и останутся невыполненными декларациями, – произнёс он в завершение своей короткой речи. – Для меня было честью работать с таким оппонентом как вы, и я надеюсь, мы ещё встретимся в вечности.

В любой другой ситуации я бы сочла его за сумасшедшего. И вовсе не потому, что он заранее похоронил Землю. Ме-

ня поразило его обращение ко мне – врагу, никогда не скрывавшему своей сущности. Насколько нужно было испугаться опасности, чтобы вот так излить в разговоре душу?

– Мне тоже было приятно иметь с вами дело, – мой ответ не претендовал на искренность. – Но я бы не торопилась ставить крест на человечестве. Мы ещё повоюем за свою свободу и за возможность материализации деклараций.

Стивенс не воспринял это как дипломатический ход и своей реакцией окончательно ввёл меня в ступор.

– Юлия Александровна, я восторгаюсь непоколебимостью русского духа, но ваша наивность... Вы словно не верите в Бога.

Начальник управления, слышавший весь разговор, похоже, и правда заподозрил президента в безумии. Но виду не подал, а дождался завершения диалога и только тогда обратился ко мне с вопросом:

– Что это было? Они там белены объелись? США расписались в собственном бессилии!

– Если бы в собственном, – по инерции ответила я, задев за живое совершенно другими словами Стивенса. – Он говорил от имени всего человечества. Земля не способна ничего противопоставить пришельцам.

– Каков наглец, – в отличие от американцев Фомин явно не собирался предаваться упадническим настроениям. – Даже в такой момент он считает, что достоин руководить миром? Так пусть отправляется на свидание с сатаной, а мы по-

воюем за своё место под солнцем.

– Услышь Стивенс вас, он бы решил, что вы тоже не верите в Бога, – как ни пыталась, я не смогла удержаться от сарказма.

– А я и не верю, – спокойно ответил генерал-полковник, и моё сердце провалилось в бездну.

Очевидно, будь на месте меня священник, начальник управления услышал бы весьма красноречивую проповедь. Но я придерживалась несколько иных взглядов и очень спокойно отнеслась к услышанному. Моментом, выбившим почву из-под моих ног, стал тот факт, что Рик Стивенс увидел во мне безбожницу. И ладно бы это оказалось просто шуткой – мы с Фоминым возвели её в ранг действительности.

– Вы расстроены? – поинтересовался он после паузы. – Американцы не оправдали ожиданий?

– Всё в порядке, – я попыталась выбросить случившееся из головы. – В их поведении нет ни капли неожиданности. Просто... Боюсь, вам не понять. Это вопрос моих отношений с Богом.

Начальник управления проявил тактичность, избавив меня от ненужных объяснений. Тем более, начала поступать новая информация с Марса, и мы прильнули к бесконечному ряду цифр.

– Чужак ускорился, – задумчиво произнёс Фомин. – У нас в запасе не более пяти суток.

– А как по-вашему, есть хоть малейший шанс, что мы сумеем дотянуться до него ракетами?

– Полагаю, аналитики сделают соответствующие расчёты к вечеру. Но если так важно моё мнение, я бы не стал надеяться на чудо.

– Выходит, вы разделяете точку зрения Стивенса? – волей-неволей мне пришлось вернуться к заявлению американского президента.

– Не разделяю. Он говорит как трус. А мы будем биться и не смотреть на вероятности.

– Однако с вашей позиции они объективный критерий несостоятельности человечества. Ведь как атеист вы не можете рассчитывать на божью помощь.

– Я не могу. Но на планете десять миллиардов других людей. И большинство из них имеют на это право.

– То есть, вы верите в какую-то иррациональную силу, способную защитить нас от агрессора?

– Верю, – не раздумывая, отчеканил генерал-полковник. – И имя ей – непоколебимый дух человечества.

Мне показалось, что я сама начинаю сходить с ума – то ли от страха, то ли от обыкновенной усталости. И вся эта музыка иллюзорных высших сфер так и застряла на подступах к моему сердцу.

– Ладно, – я сделала глубокий вдох и обрела необходимое мне спокойствие. – А если без пафоса? У нас есть хоть какие-то козыри?

– Только один, – начальник управления сразу стал серьёзнее. – Плазменная установка «Эдельвейс», неделю назад прошедшая предварительные испытания.

– То есть, это единственный экземпляр, к тому же не сертифицированный для использования?

– Да. Но у нас нет другого варианта. «Эдельвейс» не имеет аналогов в мире.

– И, конечно, США и Китай уже в курсе нашей разработки?

– Увы. Мир стал слишком тесен для таких секретов. Разумеется, мы не афишировали пробный залп, но как не заметить сбитый над Тибетом спутник?

– А-а-а, – многозначительно протянула я. – И каков вердикт? Эта штукавина спасёт нас от пришельца?

– Шансы есть, – заверил меня Фомин. – Если, конечно, у корабля не суперсистема защиты.

– Кругом допущения и никакой конкретики. Что нам вообще известно о его возможностях?

– Только скорость. И тот необъяснимый факт, что марсианские станции не выпустили ни одной ракеты.

– О, Господи, – я начала осознавать, что мимо меня проходит слишком много информации. – А чем вообще занимаются аналитики?

– Рассчитывают наиболее благоприятный сценарий битвы при Луне. А заодно прикидывают потенциал нашего лазерного оружия.

– Вы это серьёзно? Я и сама могу сказать, что лазеров хватает максимум на небольшой астероид. И то не на всякий. Хотели сэкономить бюджет? А кто-то подумал о возможной цене ошибки?

– Вы же знаете... – начал было Фомин, но я не желала выслушивать его объяснения.

– Да, знаю. В ближайшие пятьдесят лет нашей планете не угрожает ни одно небесное тело. Кроме вот этого, – я ткнула пальцем в голограмму, и мой собеседник инстинктивно отпрянул в сторону.

– Юлия Александровна, к чему сейчас копать в прошлом? Я, как и вы, не участвовал в той афере.

– Простите, – мой запал тут же сошёл на нет. – И пусть аналитики займутся чем-нибудь полезным. Например, расчётом сценария наиболее эффективного использования «Эдельвейса». Я, конечно, не президент США, но уже сомневаюсь, что стоит вообще использовать ракеты.

Едва эта фраза сорвалась с моих уст, как за спиной выросла фигура Жанны.

– Юля, тебе стоит взглянуть на это, – проговорила она, переключая картинку на проекции.

Эллипсоид исчез, и перед нами возник незамысловатый пейзаж – каменная равнина, простиравшаяся до горизонта.

– Это трансляция с одного из марсоходов, – мой ассистент осторожно присела на край стола, даром что рядом пустовало сразу несколько кресел. – В момент нападения он нахо-

дился недалеко от базы и по случайности не попал под прицел пришельцев.

– Расстояние до цели? – тихо спросила я, чувствуя дрожь, сотрясавшую всё моё тело.

– Полтора километра. Она вон за тем холмом, – Жанна кивнула на вздыбившуюся часть равнины.

Несколько минут ожидания показались мне вечностью, в которую я уместила десяток жутких фантазий. Неизменным в них оставалось только одно – первой находкой обязательно должны были стать изуродованные трупы астронавтов. Но вышло иначе. Едва марсоход взобрался на вершину холма, нашему взору предстал нетронутый купол станции. Как на картинке. И не было ничего, что нарушало бы безжизненность этого мира.

– Что за... – чуть не выругался генерал-полковник, разом забыв об окружавших его дамах.

– Сюрприз, – с облегчением выдохнула я. – Но почему у нас нет с ними никакой связи?

Ответ пришёл через полторы минуты, когда мы увидели, во что превратился передатчик базы. На его месте зияло бесформенное металлическое пятно – всё, что осталось от кучи дорогостоящего оборудования.

– А вот и новая работа для аналитиков, – начальник управления озадаченно почесал затылок. – Пришелец уничтожил антенну, но почему-то пощадил станцию.

– Чужая мораль – потёмки, – выразительно заключила

Жанна. – Возможно, он посчитал её абсолютно безопасным для себя объектом и просто не стал неоправданно растрачивать энергию.

Объяснение выглядело не слишком убедительно, однако пришлось принять его как рабочий вариант – по крайней мере, до показаний очевидцев нападения. Тем временем марсоход преодолел шлюз и въехал в ангар, занимавший почти половину станции. Его уже ждали. Четыре человеческие фигуры в спешном порядке бросились навстречу камере.

– Земля, приём, – главный инженер базы лейтенант Соколов с явной растерянностью обратился к невидимому ему зрителю. – Что происходит? Мы получили уведомление об атаке на защитный периметр, после чего лишились основного канала межпланетной связи. Американцы проигнорировали наш запрос, а с «Красной зари» пришла информация о якобы инопланетном вторжении. Спустя полчаса база подверглась нападению из космоса. Был один залп из неизвестного нам оружия, в результате чего расплавилось всё коммуникационное оборудование вне купола. Китайцы замолчали через пять минут. Похоже, их тоже лишили связи. Просим предоставить актуальную информацию и дать указания касательно дальнейших действий.

По залу прошёлся тихий гул, в котором отчётливо угадывались нотки недоумения. Безусловно, мы были счастливы увидеть персонал базы в полном здравии, однако это только усиливало ощущение тревоги.

– Ну, Юлия Александровна, что скажете теперь? – с растерянностью спросил генерал-полковник. – Я отказываюсь понимать логику происходящего и начинаю думать, что пришельцы намеренно действуют таким образом. Возможно, они даже изучили человеческую психику и теперь просто пытаются вывести нас из состояния равновесия.

– Хорошая версия, – похвалила я начальника управления. – Но если так, они не учли главного. Мы с вами на службе. А это означает одно: здесь и сейчас ни у кого не должно быть нервов.

– Bravo! – захолопала в ладоши Жанна, явно имевшая с Фоминым какие-то счёты. Не знаю, когда успели пересечься их пути, но про себя я отметила витавшую между ними враждебность.

– Женщины, – обречённо бросил генерал-полковник. – Так что нам делать, товарищ верховный главнокомандующий?

– В приоритете расчёты для «Эдельвейса». Мобилизуйте всех, кто имеет к ней хоть какое-то отношение. Отправьте на Марс информацию о положении дел на планете и запретите им любые сторонние контакты. Проверьте визуальные данные по «Красной заре» и «Филадельфии». А заодно узнайте, что известно США и Китаю про нашу базу.

Я выпалила это на одном дыхании, чувствуя как с каждым сказанным словом во мне пробуждается жажда навести порядок в охватившем всё без исключения хаосе. Началь-

ник генштаба и вовсе потерял дар речи, ибо прежде видел во мне лишь легкомысленную девчонку, способную красиво улыбаться с трибуны, но не готовую управлять огромной страной. Что ж, я выдержала первое испытание огнём и, кажется, отчасти развеяла сомнения генерал-полковника. И не только его. Даже горячо преданная мне эти годы Жанна не сдержалась и восторженно прошептала на ухо:

– Ну, ты даёшь! Будь у Америки такой президент, мне ни за что не приснилась бы бомбёжка Нью-Йорка.

Я покраснела, не привыкшая к подобной лести, и аккуратно отстранилась от ассистента. Её восторг не имел ничего общего с реальностью, где с каждой секундой нарастало ощущение безысходности. Пока нас с пришельцами разделяли миллионы километров – пропасть для тех, кто никогда не покидал Землю. Но для существ, давно покоривших звёзды, пропасть была лишь трещиной посреди дороги.

За два с лишним года своего президентства я ни разу не летала в Америку. Шокирующий и красноречивый факт, характеризующий отношения между странами как вечный бой, ведущийся из углов ринга. Но если раньше у нас даже не было рефери, теперь эта роль окончательно отошла Китаю. Став безоговорочным лидером мировой экономики, он очень долго не мог набрать соответствующего политического веса. Вековые устои оказались сильнее десятилетних амбиций, пока последние не направились в другое русло, и вместо того, чтобы сбросить кого-то с вершины, Поднебесная возвела свою собственную гору. Так появился долгожданный триполярный мир – островок стабильности посреди бушующего океана истории. Аналитики предсказывали ему золотой век – эпоху стремительного экономического роста вкупе с выдающимися научными открытиями. Отчасти их прогнозы воплотились в жизнь – в последнее десятилетие мир совершил значительный скачок вперёд, и даже Африка перестала быть регионом прошлого тысячелетия. Вот только все эти позитивные перемены на планете не отменяли ещё одного удивительного факта: за два с лишним года своего президентства я ни разу не была в Китае.

– Юля, мы получили видео с оставшихся марсианских спутников, – из паутины мыслей меня вырвало появление

министра, – они не врут: и «Филадельфия», и «Красная заря» теперь лишь груды переплавленного металла. Но самое главное – ни США, ни Китай ещё не знают о чудесном спасении нашей базы.

– А скоро узнают? – моментально отреагировала я, пытаюсь представить, во что выльется это открытие.

– Зависит от них. Если спутники останутся на месте, у нас будет шанс сохранить информацию в секрете.

– Нужно создать ощущение того, что больше нет смысла исследовать поверхность Марса. Иначе... Догадываюсь, как отреагирует мир, когда узнает, что пришельцы пощадил Россию.

– Сделаем всё возможное, – заверил Юрий Сергеевич. – Вот только как быть с родственниками астронавтов?

– Обстоятельства требует жертв. Дай бог, удастся ограничиться ложью. Так что просто держите их в неведении под предлогом серьёзной технической неисправности.

– Это сгодится максимум на пару дней. Потом всё равно начнутся подозрения...

– Ничего страшного. К тому времени в мир просочится информация об инопланетном вторжении, и у нас будет шанс скорректировать план дальнейших действий.

– Ты думаешь, Европа так быстро догадается о случившемся? – как ни пытался, министр едва поспевал за моей мыслью.

– Абсолютно уверена. Там же не дураки сидят. Кроме то-

го, их оборудование позволяет следить за Марсом. А значит, уже через несколько часов встанет вопрос о причине уничтожения практически всей инфраструктуры планеты. И как мы будем оправдываться? Сошлёмся на аномальную техническую катастрофу, из-за которой погибло сорок шесть спутников защитного периметра?

– У нас есть набор заготовленных инструкций...

– Юра, давай по-честному. Ну кто поверит во всю эту ерунду, когда станет ясно, что к Земле на огромной скорости приближается неопознанный объект? Да к тому же, по странному стечению обстоятельств, летящий со стороны Марса?

– То есть, в течение завтрашнего дня ты ждёшь разоблачения нашего тройного сговора?

– Уверена, что МИ-6 раскроет его уже сегодня. Другое дело, им хватит ума не кричать об этом на всю планету. Но остальные... Во вторник на Земле начнётся хаос. И мы не в силах предотвратить неизбежное.

– А значит... – Юрий Сергеевич ушёл в себя, и я продолжила неозвученный им вывод:

– У нас остаётся совсем немного времени, чтобы подробно проанализировать хронологию случившегося. Копайте везде, перепроверьте каждый факт... Любая мелочь может оказаться важной. Я, в свою очередь, попробую надавить на Регину Вуд. Есть ощущение, что США утаивают какие-то сведения.

– А как же Китай? – Жанна медленно сползла со стола и

всё-таки села в ближайшее ко мне кресло.

– С ними сложнее. Они точно знают больше нас, но Земин Чэнь не поддастся на уговоры. Им нужна адекватная компенсация за информацию. А всё, что мы можем предложить – перехваченный сигнал в неизвестность.

– И, конечно, ты не хотела бы выкладывать свой единственный козырь раньше времени, – подытожил мои рассуждения министр.

– Я вообще предпочла бы сохранить его втайне. По крайней мере, до тех пор, пока мы сами не расшифруем послание.

– При нынешнем положении дел это выглядит маловероятным, – речь генерала утратила остатки оптимизма. – Искусственный интеллект ни на шаг не приблизился к разгадке, хотя изначально задача не выглядела невыполнимой. Мы подключили все доступные нам вычислительные мощности, и всё же я не рассчитывал бы на обнадеживающие результаты.

– Тогда тем более лучше забыть про диалог с Китаем. Займитесь уже собранными за сегодня данными. А если найдёте хотя бы малейшую аномалию, сразу ко мне – и никакой самодеятельности.

– Вас понял, – кратко отрапортовал министр и, не дожидаясь ответа, чуть ли не бегом бросился к аналитикам.

– А ты умеешь, когда надо, – Жанна не упустила возможности вставить очередной комментарий, то ли приободряя меня, то ли открыто посмеиваясь над генералом. – Не хо-

чешь озадачить и нас с Кирой?

– Думаю, вы сами найдёте, чем заняться. Главное – хорошенько присматривай за ней, и если что... В общем, она под твоей ответственностью.

– Я поняла, – улыбка стремительно сползла с лица моего помощника. – Только прошу – не лезь в самый центр событий, если почувствуешь, что началась настоящая заварушка. Ты стратег, а не супергерой, одной рукой побеждающий армии пришельцев.

– Знаю, – я мысленно поблагодарила Жанну, однако не стала давать ей никаких обещаний. И вовсе не оттого, что ощутила в себе позывы к самопожертвованию – меня вдруг накрыла волна моих собственных предчувствий.

Кое-как справившись с бушевавшим в голове хаосом, я торопливо перешла в противоположную часть зала, где в окружении сразу нескольких голограмм сидел слегка озадаченный генерал Кручинин. Заметив меня, он тут же отвлёкся от мыслей и даже встал с кресла, чтобы выразить своё почтение.

– Госпожа президент, – Марк Андреевич протянул мне руку, словно желая поскорее забыть о конфликте. – Вот уж не думал увидеть вас рядом с собой после того, что случилось сегодня утром.

– Забудьте, – примирительно сказала я и ткнула пальцем в ближайшую к нам проекцию. – Вы ознакомились хотя бы с основной информацией по Марсу? Если да, то есть ли ка-

кие-то соображения и советы?

– Пока только недоумения и вопросы. Я запросил информацию у американских коллег – хотел уличить их в предоставлении фальшивых данных. Однако, сопоставив полученные сведения с нашей моделью ситуации, готов поклясться – они играют по-честному.

– Вас это удивляет? – прямо спросила я, заранее зная примерный ответ Кручинина.

– Более чем. У меня двадцатилетний опыт работы с НАТО, но никогда прежде не было ничего подобного.

– Ваш вердикт? Этому есть хоть какое-то объяснение?

– Только одно – они не видят смысла держать нас в неведении. Потому что угроза, исходящая от пришельца, пугает их больше, чем мифическая агрессия русских.

– Это заметно. А Китай? В его поведении не наблюдается ничего необычного?

– Пока что нет. Тут проблема иного рода. Изменение обстоятельств не привело к трансформации политики.

– Но Земин Чэнь выглядел настолько подавленным, когда сообщал о трагедии на Марсе...

– Это другое. Боль утраты – не синоним страха. Уверю вас, они не боятся вторжения.

– Почему? То, что китайцев два миллиарда человек, ещё не делает их неуязвимыми.

– Хороший вопрос, госпожа президент. Думаю, стоит спросить об этом у председателя.

– Вы шутите? – я чуть не рассмеялась ему в лицо. – Да Земин Чэнь примет меня за сумасшедшую.

– Попытка – не пытка. Если мы хотим дополнительную информацию по пришельцам, только Пекин способен удовлетворить наши требования.

По каменному выражению его лица я сделала вывод, что он всерьёз рассчитывал на такой ход и был уверен, что председатель, питавший слабость к женщинам из России, легко поддастся моему неотразимому очарованию. Вот только мне не хотелось становиться генеральской пешкой, как бы логично ни звучали предположения Кручинина.

– Посмотрим, что можно будет сделать на этот счёт, – в глубине души я всё-таки восхитилась его пронизательностью. И хотя моё недоверие по-прежнему оставалось при мне, в актив генерала упало несколько бонусных баллов.

– Теперь о пришельце, – Марк Андреевич отключил половину голограмм, и вокруг нас сразу стало свободнее. – Он деактивировал маскировку ещё за два часа до полёта к Марсу! Что это значит? Очевидно, только одно – им было нужно, чтобы мы обнаружили их прибытие!

– Но зачем? – я опешила от подобной версии, хотя, поразмыслив, не нашла в ней противоречий. – Они всё равно отказываются выходить на связь. Так какой резон в этой показухе?

– Лично у меня нет ни одной вразумительной версии. Я собирался озадачить аналитиков, но им и без того хвата-

ет работы. Искусственный интеллект сослался на недостаток вводных данных. Остаётся надеяться на чьё-то внезапное прозрение.

Похоже, Кручинин намекал на вполне конкретного человека, однако во мне его слова не разбудили провидца.

– Я приму к сведению ваше наблюдение, – в отличие от компьютерного, мой мозг кипел от переизбытка информации. – А что вы скажете про второй корабль? Послание ему – это тоже преднамеренное действие?

– Видимо, нет. Скорее технический сбой. Или то, что мы называем «человеческим фактором».

– «Человеческий фактор» у пришельцев? – в другой ситуации я бы рассмеялась генералу в лицо. – С таким багажом не долететь и до соседней планеты. Что, кстати, доказывает наша собственная марсианская экспансия. Четыре ошибки за девятнадцать экспедиций!

– Вы зря недооцениваете мою гипотезу. Развитие цивилизации – это прежде всего технический прогресс, помноженный на умение индивидов избегать конфликтов. А ошибаются все. И чем дальше зашла эволюция, тем больше цена за случайно допущенный промах.

– Похоже, в нашей истории цена окажется минимальной. Мы всё равно не сможем расшифровать их сигнал, как бы отчаянно ни хотели докопаться до истины.

– Не думаю, что послание таит в себе полезную для нас информацию. Скорее всего, это просто какой-то отчёт или

запрос на разрешение дальнейших действий.

– А что тогда важно? – мне стало немного обидно из-за бессмысленности приложенных нами усилий.

– Важно узнать скорость второго корабля и рассчитать, когда он прибудет на Землю.

Кручинин говорил так, словно был уверен – нам предстоит сражение с двумя врагами. Причём если первый из них казался просто неуязвимым монстром, то от одной мысли о возможностях его собрата внутри меня просыпалось чувство панического страха. Генерал понял, что ему удалось донести до слушателя главное, и продолжил, постепенно сгущая краски:

– Скорее всего, первый корабль исполняет роль разведчика. Соответственно, в случае необходимости его легко принесут нам в жертву. Поэтому я бы сконцентрировал внимание на чужаке номер два как на источнике основной угрозы.

– Но у нас нет возможности даже просто следить за ним, – я сразу вспомнила разговор с начальником управления. – Мы потеряли все марсианские спутники, а до объекта более ста миллионов километров!

– Если предположить, что призрак движется к Земле, можно достаточно точно определить его траекторию. И просто усилить наблюдение за этим участком пространства. Конечно, это не даст стопроцентной гарантии обнаружения, но есть вероятность получить хоть какие-то результаты.

– Хорошо. Я отдам соответствующие приказы. Будем на-

деться на благосклонность фортуны. И... Марк Андреевич, большое спасибо за помощь. Мне, право, стыдно, что я сомневалась в вашей компетенции.

– Пустяки, – Кручинин воспринял моё извинение как должное и в ту же секунду вернулся к изучению проекций.

А я, сгибаясь под ношей полученной от него информации, направилась назад к своему креслу – выжатая как лимон, но твёрдо уверенная в том, что из всех стран Земли Россия единственная, кто готова к встрече с неведомым.

Следующие несколько часов мы провели как на пороховой бочке, готовой взорваться от одного «сенсационного» сообщения в Интернете. Мои опасения оправдались в полной мере – исследователи во многих странах стали свидетелями столкновения на марсианской орбите. Но, к счастью, они не спешили делиться информацией с массами, а в срочном порядке требовали от нас объяснений. Мы как могли скрывали истинное положение дел, взяв за основу легенду о глобальном техническом коллапсе. И она работала, ибо до поры до времени эфир наполняли весьма однотипные сюжеты. Однако в шестнадцать часов по московскому времени всё перевернулось с ног на голову, когда от имени Католической церкви со своим обращением к миру выступил сам Иннокентий XIV – пожалуй, единственный человек на Земле, ещё способный быть авторитетом на международном уровне и имевший при этом пусть формальное, но отношение к политике. Его речь не изобиловала пространными рассуждениями о Боге, силах зла или надвигающемся конце света. Скорее она походила на краткую сводку новостей, суть которой сводилась примерно к следующему: Марс атакован неизвестным космическим объектом, явно имеющим искусственное происхождение. Россия, США и Китай в курсе произошедших событий, но, сговорившись, решили не сообщать об

этом миру. И, как вывод из столь скупого набора фактов, человечеству стоит готовиться к сошествию дьявола на Землю.

Разумеется, наши заокеанские оппоненты тут же выступили с ответным заявлением, разнеся в пух и прах все догадки, рождённые в стенах Ватикана. Причём в своём эмоциональном обращении к миру Рик Стивенс выглядел куда убедительнее, чем в недавней беседе со мной, и даже позволил себе несколько провокационных шуток, каждая из которых массивным катком прошла по истории Католической церкви. Выслушав его речь, Жанна долго смотрела в пустую чашку, прежде чем выдать единственно-возможную в такой ситуации резолюцию:

– Он только что подписал нам приговор. Отныне мы будем лжецами в глазах всей планеты, и ничто не отмоет это пятно позора.

– Его можно понять, – заступился за президента Фомин. – Если ты думаешь, что мир падает в бездну, пустое занятие – цепляться за свою репутацию.

– Что теперь будет, – я словно не слышала разговор коллег, рисуя в сознании картины грядущего апокалипсиса.

– Введём военное положение, и дело в шляпе, – казалось, Кручинин давно оценил этот очевидный вариант, выбрав его из десятка домашних заготовок. – У нас в стране какая-никакая стабильность, так что народ вряд ли поддастся панике. А другие пусть сами решают свои проблемы. Не мы породили эту патовую ситуацию.

– А если война? – я невольно вернулась к сновидению Жанны и поняла, что оно вполне может оказаться вещим.

– Заблокируем активацию лазерного щита Земли и воспользуемся преимуществом «Эдельвейса».

– А как же пришельцы? – искренне возмутился Фомин. – Вы предлагаете добровольно подарить им планету?

– Ну, почему же, – спокойно ответил Марк Андреевич. – Дадим им бой в районе лунной орбиты. Пусть все видят, что несмотря ни на что мы выполняем свои обязательства перед союзниками.

– О-о-о! Это будет эпическое поражение, – в моём сознании промелькнули кадры марсианской трагедии. – Он сотрёт в пыль нашу систему внешней обороны, и Земля разом станет его лёгкой добычей.

– По известным причинам мы всё равно не можем рассчитывать на лазеры, – вполне резонно заметил Кручинин.

– Мы – нет, но США и Китай... – я осеклась, поняв ход его мыслей.

– А что нам до них, если они развяжут войну? Пусть сами расхлёбывают последствия своей глупости.

– Звучит убедительно, – у меня кончились контраргументы, зато на сердце стало намного спокойнее. – И всё-таки, Марк Андреевич, что бы вы делали без «Эдельвейса»?

Он улыбнулся, хитро прищурил глаза и произнёс с какой-то детской непосредственностью:

– В таком случае, Юлия Александровна, у вас был бы дру-

гой начальник генштаба, и мне не пришлось бы решать наши сегодняшние проблемы.

Я сделала вид, что полностью удовлетворена таким ответом, и уступила его невысказанному вслух желанию:

– Хорошо. Приведите войска в полную боевую готовность с учётом всех вариантов из красного списка. Посмотрим, как поведёт себя Китай и на реакцию мирового сообщества в целом.

Однако в отличие от Рика Стивенса Земин Чэнь предпочёл занять выжидательную позицию – его, как и нас, возмутила недалёковидность американского правительства. Об этом он рассказал мне в приватном разговоре, в ходе которого мы попытались выработать стратегию совместных действий. Теперь, когда мир грозился ополчиться против трёх великих держав, это имело едва ли не первостепенное значение. К счастью, провокационное поведение Белого дома весьма неожиданно принесло и свои предпочтения. Как только я заикнулась о грядущей обороне Земли, Земин Чэнь сразу отреагировал в категоричной форме:

– Госпожа президент, можете считать нас предателями человечества, но Китай не поддержит активацию лазерного щита планеты. Мы лучше очно сразимся с инопланетным врагом, чем позволим Америке распорядиться её спутниками.

– Понимаю, – я умело скрыла восторг за маской глубокого разочарования. – Это ваш выбор. И хочется верить в то, что

в масштабах войны он не будет иметь значения.

Председатель ответил парой обтекаемых фраз, после чего мы сочли программу переговоров выполненной. Дело оставалось за малым – подождать несколько дней и как следует угостить чужака ракетами. Вот только Кручинин, которому я поведала о диалоге с Земин Чэнем, весьма скептически отнёсся к его решению.

– Он что-то задумал, – заверил меня генерал. – И вряд ли причина – поведение Рика Стивенса.

– По-вашему, Китай просто воспользовался моментом, а американцы дали хороший повод?

– Чтобы не сесть в лужу, лучше исходить из этого. Понимаю, нам всем хочется какой-то ясности, но, Юлия Александровна, сейчас не время упрощать ситуацию.

В ту же секунду пирамида моего предубеждения к Марку Андреевичу в последний раз вздрогнула и обрушилась на дно сознания. На мгновение я даже закрыла глаза, чтобы, открыв их, увидеть другого человека. Не упёртого солдафона, истосковавшегося по кровавой войне, а вдумчивого стратега, просчитывающего каждый ход неприятеля.

– Товарищ генерал, – я намеренно вернула разговор в официальное русло. – У вас есть хоть какие-то догадки по Пекину? Понимаю, у китайцев достаточно своеобразное мышление, но нам же нужно отталкиваться хоть от чего-то.

Кручинин ответил спустя продолжительную паузу, словно боялся наговорить мне лишнего.

– На самом деле, их мотивы стары как мир, а обстоятельства не делят людей по цвету кожи. И чтобы вот так отвергнуть единственную действенную защиту, необходимо иметь хороший козырь за пазухой.

– То есть, вы хотите сказать, что Поднебесная имеет оружие, способное противостоять пришельцу?

– Bravo! – без капли иронии воскликнул Марк Андреевич. – Только прошу, не спрашивайте меня о подробностях. Разведка работает 25 часов в сутки, но на руках нет даже непроверенных слухов.

– Такое возможно? – искренне удивилась я, вспомнив историю об испытаниях «Эдельвейса».

– Выходит, что да, – печально вздохнул Кручинин. – Если, конечно, мы говорим о Китае. И дело тут не в особенностях национального мышления. Просто они умеют хранить секреты.

Я собиралась что-то сказать в ответ, но не успела, встретившись с генералом взглядом. И тут же отпрянула, ибо его глаза были наполнены страхом пред неизвестностью.

К нашему удивлению, безрассудное заявление Рика Стивенса несколько снизило общую напряжённость в мире. По крайней мере, лидеры большинства азиатских стран в своих обращениях поддержали Соединённые Штаты. А кое-кто заодно ополчился на Ватикан, припомнив тому все грехи многовековой истории. Чуть менее сдержанно повели себя африканские государства, особенно те, где главенствовала католическая религия. Но даже они не осмелились отрицать тот факт, что версия Папы подразумевает слишком много допущений. Европа со свойственной ей высокомерностью вообще абстрагировалась от этой темы. И только Центральная и Южная Америки в мгновение ока погрузились в хаос. Особенно жарко было на границе США и Мексики. Там произошло несколько вооружённых конфликтов, прогремели взрывы и появились первые пострадавшие. Так война, ещё не дошедшая до границ Земли, с циничной издёвкой начала пожирать человечество.

В России же это было самое обыкновенное воскресенье. Сбежавшие из городов люди отдыхали от трудовых будней, и даже известие о приближающемся конце света вряд ли заставило бы их прервать свои заслуженные выходные. Тем не менее, я не рискнула пустить дело на самотёк и, связавшись с премьер-министром, поручила ему прокомментировать вы-

ступление Папы. Кирилл Степанович внимательно изучил предложенный для обращения текст, заметно нахмурился, но не задал ни одного вопроса. Он, знавший меня без малого пятнадцать лет, прекрасно понял: всё, что сообщил миру Иннокентий XIV, так же верно, как и тот факт, что Земля вращается вокруг Солнца. Впрочем, Россия не собиралась скрещивать шпаги с Ватиканом – для многомиллионной православной страны это стало бы неоспоримым проявлением трусости. Речь премьера носила исключительно профилактический характер и имела одну-единственную задачу: убедить всех, что что бы ни произошло на Марсе, мы не выпустим ситуацию из-под контроля.

Выслушав трёхминутный монолог Кирилла Степановича, Юрий Сергеевич подверг его жёсткой критике:

– Юля, ты начинаешь заигрывать с толпой, а это чревато непрогнозируемыми последствиями.

– И что мне делать? Принимать огонь на себя? Или молчать по примеру китайского председателя?

– Пойти проветриться, – неожиданно предложил министр. – А заодно собраться с мыслями и приготовиться к завтрашним потрясениям. Мне не хотелось бы настраивать тебя на мрачный лад, но сегодняшняя вечер – твоя единственная возможность попрощаться с прошлым.

Острая боль резанула меня в область сердца, и в ту же секунду я выпала в другую реальность. Здесь не было сводок с марсианских баз, пришельцев из космоса и выступлений

иностранных политиков. В этом хрупком и доживавшем последние мгновенья мире словно сплелись все мои представления о счастье. Я с благодарностью посмотрела на Юрия Сергеевича и зачарованная медленно поднялась с кресла.

– Ты действительно позволишь мне уйти? – моя совесть попыталась сопротивляться чувствам. – А если опять какой-нибудь форс-мажор? Уверен, что справитесь без помощи президента?

– Иди, – министр ловко подтолкнул меня в спину, да так настойчиво, что мои ноги сами зашагали к двери. – И не волнуйся. Россия в надёжных руках. Тем более, ты постоянно будешь на связи.

Уже в коридоре меня догнала Кира, и из здания управления мы вышли вдвоём: мать и дочь, мечтавшие провести воскресенье вместе. Мне было немного обидно, что я не сдержала данное ей обещание и вместо целого дня на пляже смогла предложить лишь короткую прогулку в парке. Но она даже не стала шутить по этому поводу, а предпочла задрать голову вверх и с лёгкой тоской посмотрела на покрасневшее на небе солнце.

– У нас два часа, – сообщила я, взяв её за руку. – Немного, но хватит, чтобы окунуться в детство.

Дочь улыбнулась и, оценив мой растрёпанный вид, не поленилась огорошить меня вопросом:

– А ты не боишься, что на тебя обратят внимание? Президент страны, разгуливающий без охраны!

– Не сегодня, – я по привычке тряхнула головой и машинально достала очки из сумочки. – Возможно, это наш последний шанс вот так пройти по воскресному мегаполису.

– Всё-таки война? – тихо спросила Кира и как бы случайно надавила мне на запястье.

– Всё-таки война, – я испугалась собственного голоса – настолько буднично прозвучало моё утверждение.

– И кто наш враг? – она не унималась ни на секунду. – США, Китай или инопланетные захватчики? Знаешь... Я тут поговорила с Жанной. По её мнению, у человечества мало шансов на спасение.

– Вот пусть она и отвечает на твои вопросы. Ей же приснилось, как бомбят Нью-Йорк. А я... Я могу сказать только одно – в этой войне у нас не будет союзников.

Мы медленно пересекли реку по мосту, рассматривая проплывавшие внизу кораблики. Как мне хотелось очутиться на палубе одного из них – молодой, весёлой и ничего не знающей о пришельцах! Но, увы, в моей голове витали мысли о грядущей катастрофе, а рядом со мной терзалась сомнениями Кира.

– Если будет война, прощай новозеландская стажировка? – дочь вдруг остановилась и замерла как статуя.

– К сожалению, да, – я сочувственно обняла её за плечи. – Впрочем, не думаю, что это станет самой большой потерей.

– Ты просто не понимаешь, насколько важно для меня побывать в Окленде! Любой, кто имеет в России отношение к

биомеханике, провёл там как минимум один семестр!

– И что ты предлагаешь мне сделать? Попросить у пришельцев несколько лет отсрочки?

– Не смешно, – сухо отрубил Кира. – Я просто хочу, чтобы ты уважала мои интересы. И не только те, которые имеют рациональное объяснение.

Проходившая мимо пара замедлилась и недвусмысленно покосилась в нашу сторону. Я поймала на себе взгляд мужчины – немного растерянный, но выразивший больше, чем удивление. Вне всяких сомнений, он догадался, что перед ними не безумная карьеристка, пришедшая в парк после аврального рабочего воскресенья. Однако незнакомец не стал усугублять ситуацию и даже ускорился, потянув за собой свою спутницу. А я, не сдержавшись, обернулась и проводила их совершенно неуместной улыбкой. И вовсе не потому, что они опознали президента. Просто впервые за последние годы на меня посмотрели как на женщину.

– Мама! – дочь прервала полёт моей фантазии, с особым рвением устремившись вниз по лестнице. – Если и дальше ты будешь так пялиться на людей, через минуту мы соберём толпу любопытствующих.

– Прости, – я разом извинилась за всё, что натворила за сегодняшний день, и неожиданно почувствовала облегчение. – Хочешь мороженого?

– Хочу, – её глаза заблестели от восторга.

Мы подошли к ярко-зелёному киоску-автомату, и я со ще-

мящей ностальгией в душе вспомнила времена, когда здесь работали обычные продавцы, а за товар приходилось расплачиваться деньгами. Передо мной сразу возник образ Элеоноры Михайловны, небрежно протягивающей пятисотрублёвую купюру темноволосой девушке в сдвинутой набок кепке. Казалось, это было вчера, и стоит просто зажмуриться и открыть глаза, чтобы усилием всёпреодолевающей мысли снова вернуться в упоительное царство детства. Но... Я моргнула ровно одиннадцать раз, а киоск так и не превратился в девушку.

– Два шоколадных пломбира, – мне стало неловко за собственную сентиментальность, пусть и проявленную в присутствии одной лишь дочери.

Автомат без раздумий выдал нам мороженое, и, взяв его в руки, мы неспешно побрели по набережной.

– Такая вкуснятина и всего за два рубля, – несмотря на проблемы Кира буквально сияла от удовольствия.

– Вообще-то бесплатно, – виновато призналась я. – С президента не списывают за покупки в городских автоматах.

– То есть, ты угостила меня за счёт бюджета?

– Да. И, пожалуйста, оставь в покое мораль. В целом и в частности я поступила по закону.

Не знаю, что именно доставляло дочери дискомфорт, когда в разговоре всплывала тема денег. Она и сама не могла описать природу своего протеста, всякий раз обращаясь к абстрактным высшим материям. Но тогда её прорвало в са-

мый неожиданный момент – из-за мелочи, несопоставимой с происходившими вокруг событиями.

– Мама, мир на краю глобальной катастрофы, а тебе жалко списать четыре рубля со счёта?! Причём тут закон и непонятная никому мораль... Мы говорим об элементарных основах поведения!

Я замерла с поднесённым ко рту стаканчиком, обескураженная этим спонтанным проявлением эмоций.

– Да-да, и не смотри на меня как на сумасшедшую. Любой твой поступок слишком важен для человечества!

– Считаешь, я подвергаю мир опасности из-за того, что угостила тебя бесплатным мороженым? Прости, но это очень похоже на бред даже с позиции христианской веры.

– Вера тут ни при чём, – Кира умерила свой пыл и повернула к ближайшей свободной лавочке. – Вопрос в твоём выборе. Как ты поступишь тогда, когда на кону будет стоять судьба всего человечества?

Мы сели на некотором расстоянии друг от друга, и секунд тридцать мой мозг лихорадочно обдумывал услышанное. Разумеется, мне хотелось найти себе убедительное оправдание, но я понимала – она ждёт совершенно другого ответа. Не объяснений случившемуся минуту назад, а вариантов для ещё ненаступивших событий. В конце концов я не придумала ничего лучшего, кроме как честно вывалить на неё свои сомнения.

– Знаешь, ты задаёшь слишком неудобные вопросы. А

вдруг мне вообще не предоставят права выбора?

– Так не бывает, – моментально парировала Кира. – У президента слишком много полномочий, чтобы бездействовать, стоя у края пропасти.

– Но я не чувствую в себе того компаса, который нужен для принятия таких решений!

– В этом-то и проблема, – неуловимым движением она стащила с меня очки, и мы как две львицы уставились друг на друга.

После случившегося у меня оставалось мало шансов избежать разоблачения, но дочь не заботили проблемы моего инкогнито.

– Мама, – в её глазах читалась такая решительность, что я предпочла не вступать в словесную перепалку. – Пожалуйста, пообещай мне одну вещь: когда придёт время, ты сделаешь собственный выбор. Только не тот, который подскажет кто-то из окружения, а тот, что родится по велению твоего сердца.

– Но...

– Обещай! – её лицо исказилось от напряжения. – Неужели так трудно поклясться хотя бы в этом?!

Любая мать, оказавшись на моём месте, без раздумий пошла бы на поводу у дочери. Но только не я. Во мне проснулась девочка Юля, с завидным упрямством отстаивающая свои позиции.

– Кира, я не смогу полагаться на голос сердца, если мой

выбор будет определять судьбу цивилизации. Руководить – это прежде всего слушать других и только потом принимать рациональное решение.

– А как результат, мы едим мороженое за счёт бюджета вместо того, чтобы самим заплатить за удовольствие.

– Не понимаю, что ты хочешь этим сказать? Что я поступаю разумом, а не сердцем?

– Да, – её голос упал до шёпота. – И в этом беда практически всех политиков.

Я вздохнула, абсолютно не готовая к спору, хотя в запасе у меня был миллион аргументов. Но что они значат, когда твоему собеседнику девятнадцать лет и он убеждён, что им движет великая истина?

– Ладно, – мне было лень влезать в дебри абстрактных рассуждений, и я попыталась привязаться хоть к каким-то координатам. – Давай по порядку. Ты можешь мне объяснить, чем голос сердца предпочтительнее разумного выбора?

– Только одним, – Кира проглотила последний кусок мороженого и улыбнулась проходившему мимо парню. – Разум всегда оперирует набором данных, тогда как в сердце может быть послание Бога.

Вопреки не самому политкорректному предположению Рика Стивенса я никогда не считала себя атеистом. Да, у меня было немало вопросов к современным институтам религии, но где-то там, в глубинах моего подсознания, жила убеждённость в существовании единственного творца вселенной. Не обладая при этом хоть каким-нибудь теологическим образованием, я долгие годы избегала конфликтов на почве веры. А ведь мне в силу своего положения в обществе приходилось сталкиваться с представителями почти всех течений. Но даже такая многолетняя практика общения не подготовила меня к откровенному разговору с дочерью. И едва Кира упомянула Бога, мой мозг потерял всякую способность мыслить.

– Да что с тобой, мама? – недоумённо пробормотала она. – Я просто пытаюсь помочь тебе разобраться с хаосом. А заодно вношу вклад в дело защиты Земли, которую, кажется, не в состоянии спасти правительства.

– Спасибо, – короткий ответ невпопад дал мне возможность привести себя в порядок. – Я оценила и возьму твой совет на вооружение. Если, конечно, мне представится выбор.

– Представится, – многозначительно пообещала Кира. – А тебя напрягло моё упоминание о Боге?

– Вообще-то да. Мне казалось, я знаю свою дочь как облупленную, но теперь... Мы словно чужие люди.

– Так бывает. Только не думай, что кто-то пытался спрятать свою веру. Просто сегодня я проснулась совершенно другим человеком.

– Из-за сна? – наконец-то, меня пронзила догадка. – Бомбёжка Изумрудного города убила в тебе атеиста?

– В яблочко, – Кира испустила глубокий вздох облегчения, и в глазах её заблестели слёзы. – Мама, прости. Я не знала, как объяснить случившееся, чтобы в итоге не показаться сумасшедшей. Но бардак, который творится в управлении... Им не найти лекарство от неизведанного.

Я не сразу сообразила, что именно она хочет донести до меня последней фразой, и потому огорошила её не самым уместным вопросом:

– То есть, ты не в курсе, где находится Изумрудный город?

– Нет. И вообще, не думаю, что это имеет значение. Скорее всего, он просто олицетворяет зло. Которое, к счастью, поддалось Соединённым Штатам.

От её ассоциативного ряда у меня закружилась голова, и какое-то время я снова собиралась с мыслями.

– погоди, – мой мозг медленно возвращался в реальность. – Хочешь сказать, в твоём сне Вашингтон был в роли спасителя?

– Именно так. Я знаю, что ты недолюбливаешь США, но в этой войне Рик Стивенс – хороший парень.

– А кто плохой? – я настолько увлеклась беседой, что совершенно забыла об оставшемся у меня мороженом. И в этот самый момент сорвавшаяся с края надкусанного стаканчика капля очень эффектно приземлилась мне на блузку.

– Упс, – только и смогла сказать я, глядя как бледно-кремовое пятно медленно расползается по белоснежной ткани.

– Мама, – укоризненно произнесла Кира, протягивая мне салфетку. – Я понимаю твой интерес к моему сну, но он не содержит никаких конкретных ответов.

– Тем не менее, ты сама придала ему статус вещего, а значит мы можем найти в нём крупицу истины.

Кое-как я отчистила блузку от мороженого и стала ждать хоть каких-то пояснений от дочери.

– Ну, хорошо, – сдалась она после короткой паузы. – Давай попробуем мыслить рационально. Кто вообще участвует сейчас в конфликте? И на кого готова направить свой гнев Америка?

– Мы, США, Китай и пришельцы, – первая часть вопроса не вызвала у меня ни малейших затруднений. – А что касается агрессии Вашингтона... По логике происходящего им стоило бы направить её на гостей из космоса.

– А почему не на нас или не на Китай? Земные мишени куда доступнее, чем звездолёт пришельцев.

Рассуждение Киры ввело меня в глубочайший ступор. На мгновенье я даже решила, что это какая-то шутка, цель которой – снять напряжение от сегодняшнего калейдоскопа со-

бытий. Но, заглянув в её широко открытые глаза, мне расхотелось иронизировать над услышанным.

– Выходит, Земин Чэнь был абсолютно честен со мной, когда утверждал, что не доверяет Вашингтону? А убеждённость генерала Кручинина в наличии у Китая секретного оружия – всего лишь гипотеза, не имеющая под собой основы? Инте...

– Мама, – дочь прервала меня на полуслове. – Ты опять сваливаешь всё в кучу. Сны, догадки, своё предвзятое отношение... Пойми одно – у тебя слишком мало вводных данных. И дальше ситуация будет запутываться ещё сильнее. Да, США разбомбят плохих парней. Так сделай всё, чтобы не оказаться в их компании!

Мороженое выпало из моей руки и звучно плюхнулось на светло-бежевую тротуарную плитку. Мы раздосадовано посмотрели друг на друга: одна – с упрёком утомлённой матери, другая – с обидой нашалившего ребёнка.

– По-твоему, я враг человечества? – происходившее не укладывалось у меня в голове, но я как могла сохраняла внешнюю невозмутимость.

– Нет, – без колебаний ответила Кира. – Проблема в должности, способной превратить тебя в дьявола.

– Предлагаешь сдать президентский пост и занять место среди благородных зрителей?

– Не ёрничай. Ты прекрасно понимаешь, что к чему, и не сбежишь от взятой на себя ответственности.

– Ладно, – я демонстративно подняла руки вверх. – Полагаю, эту тему можно считать закрытой?

– Да, – легко согласилась она. – Теперь моя очередь задавать вопросы.

– Я написала папе полчаса назад и настояла, чтобы он завтра же возвращался в Россию. Ты ведь хотела поговорить со мной об этом?

Похоже, мне удалось удивить дочь своим решением и тем самым избавить нас от неуместного разговора. По крайней мере, Кира сразу стала заметно спокойнее, да и вокруг нас как будто наступило затишье.

– А бабушка с дедушкой? – осторожно поинтересовалась она. – С ними ты тоже обсудишь эту тему?

– Ещё не решила. В конце концов, им не нужно возвращаться из-за границы, а у меня банально не хватает времени.

– То есть, ты не расстроишься, если они останутся в Сочи и будут там вплоть до начала военных действий?

– Абсолютно. К тому же ты знаешь моего отца. Он что угодно отдаст за эти каникулы. В его возрасте и с таким графиком работы отдых приобретает совсем другую ценность.

– Семейка психов, – беззлобно подытожила Кира. – Так может отпустишь меня в Новую Зеландию? Какая разница, где встречать апокалипсис, если все близкие заняты своими делами?

Я внимательно посмотрела в глаза дочери, но не сумела оценить серьёзность её намерений.

– Шучу, – она безошибочно уловила причину моего замешательства. – Как я могу оставить тебя без присмотра?

Мне сразу вспомнился наш недавний разговор с Жанной, в котором я попросила её позаботиться о Кире. Забавным образом всё перевернулось вверх ногами, однако на сердце стало намного легче.

– Спасибо, – я не нашла подходящих для ситуации слов и просто смахнула навернувшиеся на глаза слёзы.

Удивительно – никто из посетителей парка всё это время не обращал на нас внимания. Мы словно исчезли из пространства обычного мира, погрузившись в свою, изолированную от остальных вселенную. Но стоило только прерваться на небольшую паузу, к нам подбежала девочка лет семи и беззастенчиво обратилась ко мне с вопросом:

– Тётя, скажите, а вы правда президент России?

Кира едва не прыснула от смеха – настолько нелепой выглядела эта сцена, где её мать, застывшая с полуоткрытым ртом, меньше всего походила на первую леди государства.

– Правда, – я быстро справилась с парализующим эффектом внезапности и, не раздумывая, сама перешла в наступление. – Вот только откуда ты узнала эту страшную тайну?

– От папы, – с лучезарной улыбкой сдала своего отца девочка. – А мама считает, что у него разыгралась фантазия. Но я ей не верю – она всегда отвергает интересное.

Окончательно справившись с эмоциями, я поискала глазами нерадивых родителей и обнаружила их в пятнадцати

метрах от себя, в обнимку сидящих на включённой доске гравискутера. Им было лет по тридцать – возраст, в котором большинство только начинают задумываться о ребёнке. Женщина с умилением наблюдала за разговором дочери с президентом, а мужчина смотрел на противоположный берег реки, туда, где, эффектно подсвеченное заревом заката, высилось здание министерства обороны. Мир пошатнулся. Что-то неуловимое прошло меня насквозь и исчезло, оставив странное ощущение пустоты на месте бившегося в учащённом ритме сердца.

– Идите сюда! – махнула я незнакомцам, и гравискутер, сделав замысловатый вираж, повис аккурат напротив нашей скамейки.

– Стас, – первым представился мужчина.

– Юлия, – тут же отреагировала я, чувствуя ревность во взгляде его супруги.

– А мою маму зовут Света, – всё так же беспечно сообщила девочка.

– Аня, довольно, – вмешалась в разговор женщина, явно расстроенная нашей нелепой встречей. – У тётки полно очень важных дел, и будет лучше, если ты оставишь её в покое.

– Да нет, всё в порядке, – аккуратно возразила я. – Нам, президентам, тоже нужен отдых. Кстати, раз уж мы затеяли перекличку, спешу вам представить – моя дочь Кира.

Стас посмотрел на супругу с видом победителя, а я поняла, что обрела в её лице соперницу. И пусть наше знакомство

не предполагало длительных отношений, поведение Светы могло доставить мне определённые неудобства.

– Вы ведь не просто так оказались сегодня в парке, – намекнула она, едва мы покончили с приветствиями. – Полагаю, тут есть какая-то связь с выступлением Папы Римского и его бредом про инопланетное вторжение?

– Это не бред, – мне захотелось поставить её на место, пусть даже ценой разглашения секретных данных. – К Земле действительно приближается чужой корабль, и есть вероятность вооружённого конфликта.

– Мама? – только и смогла сказать Кира, глядя на то, как вытягивается лицо Светланы.

– Всё под контролем, – успокоила я дочь, стараясь не думать о последствиях своей болтливости. – Завтра эту новость подтвердят независимые наблюдатели, и джин в любом случае выберется из бутылки.

– К нам прилетят инопланетяне? – из всех собравшихся Аня была единственной, кто продолжал жить в безмятежной вчерашней реальности. Мне было жаль разрушать этот хрупкий детский мир, но Света убила остатки моего милосердия.

– Прилетят, – я ответила одним словом и без паузы обратилась к Стасу. – Ну, и зачем весь этот спектакль? Вы просто хотели познакомиться с президентом?

Он явно опешил от перемены тона беседы и, отстранившись, едва не потерял равновесие.

– Мы можем идти или есть ещё какие-то вопросы? – войдя

в азарт, я переключилась на Светлану.

Та не успела проронить и звука. Мой браслет замигал тревожно-красным светом, и я активировала передачу голосового сообщения.

– Юлия Александровна, – без предисловий сообщил Кручинин. – США узнали о марсианской базе. Мы всеми силами пытаемся убедить их в непричастности к этому происшествию, но Пентагон уже приписал нам союзничество с пришельцами! Регина Вуд вот-вот выступит с официальным заявлением и... Мне кажется, генштабу пора перемещаться под землю.

– Чёрт! – я резко вскочила со скамейки, всей своей сущностью устремившись на противоположный берег. – Стас, не подкинете нас до управления?

– Давайте я, – неожиданно предложила Светлана. – Эта штукавина не рассчитана на троих взрослых.

– Марк Андреевич, буду через две минуты! – крикнула я, взбираясь на гравискутер. – И передайте этой американской дуре, что если она не хочет мировой войны, ей стоит засунуть своё заявление в одно место!

Удивительно, но Кира обошлась без упрёков и молча последовала моему примеру. Через мгновенье под нами блесла Москва-река, а мы на всей скорости неслись навстречу закату. В другое время я бы оценила этот аттракцион на пять баллов – хотя бы из-за того, что он противоречил всем правилам эксплуатации минитранспорта. А какой вид откры-

вался с высоты при скорости более десяти метров в секунду! На один вдох я почувствовала себя ребёнком, впервые в жизни испытывавшим ощущение полёта. Жаль, всё закончилось спустя мгновение мягкой посадкой на по-прежнему людную крышу.

– Спасибо, – я поблагодарила Свету за помощь, стараясь не думать про возникшую между нами антипатию. А она, развернувшись, наигранно отдала мне честь – то ли с издёвкой, то ли с добродушной иронией.

– Береги себя, – бросила я на прощание и, засмутившись, поспешила к лифту. Кира как тень бесшумно двинулась следом, явно рассчитывая получить от меня объяснения.

– Зачем ты устроила этот балаган? – спросила дочь, едва мы спустились с крыши. – Решила, раз уж грядёт война, пусть все увидят твоё умение проявлять агрессию?

– Не было никакой агрессии. Просто она попыталась влезть на мою территорию, а я поставила её на место.

– И заодно разворошила всю страну. Ты хоть догадываешься, что произойдёт дальше?

– Уже не важно, – я приобняла Киру за талию, – мы на пороге мировой войны. И это единственное, что сейчас имеет значение.

Зал управления встретил нас мёртвой тишиной, в которой читалась всеобщая растерянность перед обстоятельством. Юрий Сергеевич и вовсе сидел с закрытыми глазами, как будто пытаясь отстранить своё сознание от реальности. Только Кручинин сохранял видимое спокойствие, что-то выискивая в окружающих его проекциях. Но он был один. Остальные выглядели аморфными, словно внезапно их отключили от источника питания. И даже моё поспешное возвращение никоим образом не повлияло на атмосферу в штабе.

– Юлия Александровна, – Марк Андреевич поднялся мне навстречу. – Миссис Вуд готова переговорить с вами, но при условии максимально возможной конфиденциальности.

– Уф-ф-ф, – из моей груди вырвался вздох облегчения. – И как мы будем обеспечивать эту конфиденциальность?

– Пройдите в личный кабинет министра. Оборудование уже готово к работе.

– А как мы докажем, что беседа останется в стенах кабинета? Вы что, и правда отключите все системы наблюдения?

– Выбора нет, – спокойно ответил Кручинин. – Но вам придётся поверить мне на слово.

– Договорились, – покинув зал управления, я в одиночестве поднялась на несколько этажей по лестнице. Дверь кабинета Юрия Сергеевича была распахнута настежь, и мне

оставалось решительно войти внутрь. Там меня уже поджидала голограмма миссис Вуд, небрежно расхаживающая по сверкающему в свете ламп паркету.

– Регина? – я замерла в шаге от проекции, обескураженная реалистичностью её образа.

Да, это была не самая новая технология, но прежде мы никогда не прибегали к ней на практике. А тут... Мне казалось, что стоит протянуть руку, и та непременно ощутит прикосновение платья.

– Юля? – секретарь повернулась ко мне лицом, не проявляя ни малейшего признака замешательства. Я сделала вывод, что для неё это не в новинку, и прокляла себя за вечную отстранённость от прогресса.

– Вот мы и встретились тет-а-тет, – она с интересом осмотрела меня с головы до туфель. – Жаль, что причина тому ваше вопиющее поведение, но я всё же рада возможности поговорить лично.

Регине было пятьдесят шесть лет, и большую часть своей выдающейся карьеры она посвятила службе в американской армии. Я помнила многочисленные репортажи из горячих точек, где тогда ещё молодая мисс Вуд с запредельной даже для военного энергетикой сообщала об очередной победе над терроризмом. И мир с упоением вкушал речи этой рыжеволосой женщины, очарованный её красотой и ораторским даром, от которого трепетало сердце. Даже мои родители не раз высказывались насчёт того, что в нашей стра-

не катастрофически не хватает таких харизматичных фигур, а всё внимание неизменно концентрируется на президенте. Студентка Юля пропускала их восторги мимо ушей, не веря ни слову, звучавшему из уст Регины. Да и теперь, спустя двадцать с лишним лет, моё отношение к ней не претерпело практически никаких изменений. Но если раньше я могла просто игнорировать существование миссис Вуд, сейчас мы разыгрывали одну и ту же партию.

– Ваши догадки не что иное как бред, – мне не терпелось разрушить её гипотезу. – Думаете, в мире достаточное количество идиотов, готовых поверить в кооперацию России с пришельцами?

– Думаю, да, – ответила она с улыбкой. – Только, по-моему, их стоит называть иначе. Вчера идиотом посчитали бы того, кто сказал бы, что сегодня начнётся инопланетное вторжение.

Я изумилась, как ловко Регина вывернула всё наизнанку, и поняла, что придётся действовать в открытую.

– Хотите воспользоваться ситуацией в своих целях? Что ж, валяйте. Но помните о последствиях.

– Это угроза? – удивилась Миссис Вуд. – И как вы поступите? Забросаете Пентагон ракетами?

– Всем, чем понадобится, – резко ответила я. – У нас предостаточно оружия против глупости.

Только тогда что-то щёлкнуло в её голове, заставив Регину отойти от первоначальной версии.

– Юля, послушайте... – она сделала шаг вперёд. – Я всё понимаю... Но это не поддаётся логике!

– Охотно верю. А представляете, каково было нам, когда мы увидели абсолютно целую базу? А Марс-18? Может быть, вы объясните его спасение?

Секретарь озадаченно нахмурилась. Похоже, история китайского и американского спутников поначалу не вызывала у неё ни малейших подозрений. Оно и понятно. Ведь это именно НАСА одобрило план перехода на другую орбиту. За день до трагедии! А теперь пойдёшь объяснить, что это всего лишь случайное совпадение.

– Чёрт! – миссис Вуд почувствовала себя припёртой к стенке. – Но мы и правда руководствовались своими соображениями.

– Охотно верю, – издевательски повторила я. – И даже не думаю обвинять вас в контакте с пришельцами.

– Да не было никакого контакта. Просто обычная исследовательская работа. Мы каждый месяц меняем орбиту одного из спутников, и как-то раньше это не имело последствий.

– Я понимаю. И что мы будем делать дальше? Работать совместно или устраивать на планете бойню? Кстати... У вас уже есть информация, что лазерный щит не активируется ни при каких обстоятельствах?

– Да, Земин Чэнь озвучил позицию Китая, и, если честно, мы нашли её не лишённой смысла.

То, что произошло внутри меня в тот момент, было срав-

нимо как минимум со взрывом сверхновой. И ладно бы миссис Вуд продолжала играть в шпионские игры – она откровенно озвучивала позицию Вашингтона! А я... Я молча смотрела на голограмму перед собой и лихорадочно перебирала в голове три версии. Самой логичной из них был завуалированный китайский вариант с секретным оружием, припасённым для такого случая. Но, вспомнив панику американского президента, я с недоверием склонилась ко второй гипотезе. США испугались. В их глазах и мы, и Китай были мартышками, недостойными получить гранату. А коли так, стоило отказаться от опасного оружия и по старинке понадеяться на ракеты. Что же касается версии номер три, я просто решила не вдаваться в глупости.

– Боитесь нас? Или всё-таки Пекина? – мне было важно подтвердить свои догадки.

– Ни тех, ни других, – миссис Вуд стремительно прошла сквозь меня, и я ощутила прикосновение её платья.

– Что за... – ругательство комом застряло где-то в горле. – У нас разговор, а не демонстрация технологий!

– Я в курсе, – секретарь присела на голограмму кресла, невесть откуда появившуюся в углу кабинета. – И поэтому мне хотелось бы сказать следующее: даже не думайте, что переиграете Пентагон хитростью. Мы знаем всё и про вас, и про Пекин. И даже то, чего вы не знаете друг о друге.

– Например? – я попробовала скосить под дурочку, но миссис Вуд пресекла мою попытку:

– Примеров не будет. Просто примите как факт, что мы обладаем всей ключевой информацией. И коли у вас не случилось контакта с пришельцами, мне остаётся выразить вам сочувствие.

– А можно без ребусов? – я впилась в Регину взглядом, желая хоть как-то надавить на её спокойствие.

– Можно, – она положила ногу на ногу и горделиво вздёрнула свой короткий носик. – Юлечка, мы с вами птицы высокого полёта и понимаем, что сейчас время вершить историю. Вы симпатичны мне как человек, но на кону политическое устройство мира. А я патриот своей страны и буду действовать исключительно в её интересах.

– И вас совершенно не беспокоит тот факт, что к следующей пятнице само человечество может стать историей?

– Ну, почему же. Мы держим в уме все варианты развития событий и признаём, что земная цивилизация находится на краю пропасти. Вопрос в другом. Кооперация ведущих мировых держав никоим образом не увеличивает наши шансы на спасение. Аналитики уже провели расчёты – эффект от сотрудничества не превышает допустимой погрешности. А это значит...

– Что лучше и дальше защищать интересы США, чем тупо растрачиваться ради всего человечества.

– Именно так! – воодушевлённо произнесла Регина. – Скажешь, у вас иная расстановка приоритетов?

– Нет, но... – меня по-прежнему переполняли эмоции. –

А вообще, согласна. Я действую примерно по той же схеме, так что, пожалуй, мы всё равно не найдём консенсус.

– Однако своего ты добилась, – неожиданно сдалась она. – США не станет обвинять вас в межпланетном сговоре. Кроме того, я открою тебе одну тайну... То, что мы знаем на протяжении десятилетия.

Ещё не догадываясь, о чём именно пойдёт речь, я ощутила, как у меня покраснели щёки.

– Да-да, – Регина окончательно перешла на неофициальный тон беседы. – Я же сказала, мы обладаем всей ключевой информацией. И способ, которым ваше правительство залатало дыру в бюджете – отнюдь не секрет по эту сторону океана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.